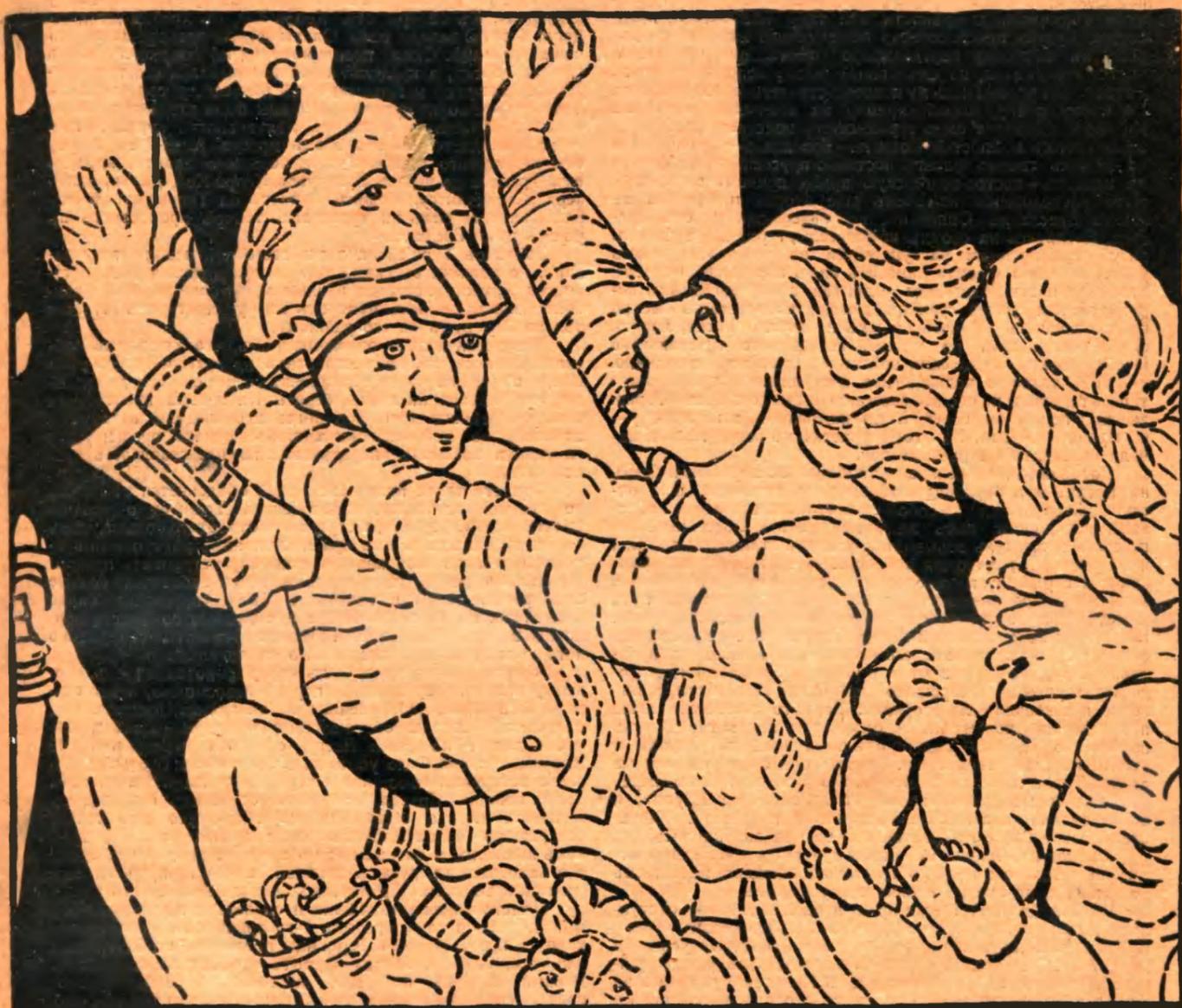

ГОЛОСЪ ЖИЗНИ

№ 5

914

ЛИТЕРАТУРНО - ПОЛИТИЧЕСКІЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Цѣна 10 к., на станц. ж. д.— 12 к.

Недѣля войны.

Въ военномъ отношеніи минувшая недѣля ознаменовалась нашимъ успѣшнымъ наступленіемъ въ Восточной Пруссіи, гдѣ бои происходили въ трехъ пунктахъ—у Сталупенена, Юганнисбурга и Сольдау. Отсюда мы видимъ, что наши войска тѣснятъ противника въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ имѣется возможность обойти лежащая тутъ Мазурскія озера, которыя весьма сильно укрѣплены. Проходы между ними обращены въ сплошную оборонительную линію, усиленную проволочными загражденіями, волчьими ямами и минными фугасами.

Восточная Пруссія вслѣдствіе обилія озеръ и болотъ представляетъ собою мѣстность, которую германцы путемъ возведенія различныхъ фортификационныхъ сооруженій обратили въ сплошную крѣпость, или такъ называемый плацдармъ. Будучи приспособлена ввиду обилія желѣзныхъ дорогъ къ быстрому передвиженію войскъ, она предназначена германцами, по ихъ новому плану веденія войны съ Россіей, для угрозы нашему правому стратегическому флангу. По этому плану, выработанному на военномъ совѣтѣ въ Краковѣ, намѣчено было германскимъ войскамъ отойти къ линіи своихъ крѣпостей Познань—Бреславль—Глогау, имѣя на лѣвомъ своемъ флангѣ восточно-пруссійскій плацдармъ, а на правомъ—австро-венгерскую армию, причѣмъ въ центрѣ всего расположенія намѣченъ еще второй плацдармъ въ районѣ Бреславль—Оппельнъ, къ сѣверо-западу отъ Кракова. Базируясь на своихъ крѣпостяхъ, германцы имѣли въ виду молниеносными наступленіями въ томъ или иномъ участкѣ своего фронта нанести намъ пораженія, причѣмъ эти наступленія, благодаря развитой сѣти желѣзныхъ дорогъ вблизи нашей границы, дающей возможность быстро сосредоточивать въ намѣченныхъ пунктахъ войска, могутъ быть совершаемы, по мнѣнію германскаго генеральнаго штаба, большими массами войскъ совершенно неожиданно.

Вотъ такое-то молниеносное наступленіе и предприняли теперь германцы по обоимъ берегамъ Вислы со стороны Торна: двигаясь по правому берегу Вислы на Рыпинъ, а по лѣвому—на Плоцкъ—Униевъ. На этомъ участкѣ къ концу недѣли начали развиваться серьезныя бои.

Послѣ окончившихся нашей побѣдой октябрьскихъ боевъ на путяхъ отъ Варшавы и Ивангорода германцы при отступленіи разрушали за собой самымъ основательнымъ образомъ всѣ дороги, какъ желѣзныя, такъ и шоссейныя. На первыхъ непріятель взрывалъ и сжигалъ станціонныя зданія и сооруженія, уничтожая всѣ водопроводныя башни, водоканчки и стрѣлки; на нѣкоторыхъ перегонахъ рельсы сплошь взрывались противникомъ, и теперь желѣзнодорожный путь можетъ быть восстановленъ только укладкой новыхъ рельсовъ. Всѣ мосты, водопроводныя трубы, вѣдуки и прочее настолько основательно взрывалось, что не поддается никакому исправленію, а должно быть замѣнено новымъ. На шоссейныхъ дорогахъ германцы совершенно разрушили всѣ мосты, а полотно перековали или взорвали. Все это замедляло наше преслѣдованіе, почему на лѣвомъ берегу Вислы германцамъ постепенно удалось выдти изъ-подъ нашихъ ударовъ и отойти къ своей территоріи. Затѣмъ они сосредоточили въ районѣ Торна приблизительно около 5-ти корпусовъ, перевезя ихъ по желѣзной дорогѣ изъ Восточной Пруссіи, и этими силами начали свое наступленіе по Вислѣ. Начавшіеся между Вислой и Вартой бои еще не закончились.

Къ югу отъ линіи рѣки Варты германцы всю недѣлю отходили и только въ районѣ Ченстохова пытались перейти въ наступленіе, но это не увѣнчалось успѣхомъ.

Въ Галиціи австрійская армія продолжала свое отступленіе двумя группами: одна отступала къ проходамъ черезъ Карпаты, преслѣдуемая нашими войсками, которая успѣшно разбивала арьергарды противника, тысячами забирая австрійцевъ въ плѣнъ, а вторая—отошла къ Кракову и укрылась за его фортами. Наши войска съ двухъ сторонъ подходили къ укрѣпленіямъ Кракова, стремясь охватить его съ сѣвера и востока линіей блокады. Движеніе ихъ съ сѣвера шло весьма успѣшно, и къ концу обозрѣваемой недѣли они приблизились на 12 верстъ къ Кракову. Войска, двигавшіяся съ востока, заняли городъ Тарновъ и подошли къ линіи рѣки Дунаецъ, гдѣ, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, австрійцы пытались задержать наше наступленіе, организовавъ оборону.

Наши войска на турецкомъ театрѣ выполняли важную задачу выясненія количества турецкихъ войскъ у Эрзерума и расположенія ихъ, для чего были высланы передовыя части къ укрѣплен. ой позиціи у Кебри-Кей; она была быстро за-

нята, и мы заставили турокъ развернуть свои силы для отнятія этой позиціи, весьма важной для нихъ. Нашъ авангардъ успѣшно сдерживалъ натискъ противника, который мало-по-малу вводилъ въ бой почти всѣ свои войска, находящаяся около Эрзерума, вывелъ въ поле гарнизонъ этой крѣпости и стянулъ подкрѣпленія со стороны Хнысь-Кала и Трапезонда. Возложенная на нашъ авангардъ задача была выполнена: онъ выяснилъ силы противника и ихъ расположеніе, а потому, не ввязываясь въ продолжительный бой, отошелъ въ указанное штабомъ арміи мѣсто, для того чтобы предпринять новыя операціи, причѣмъ во время своего отхода ударилъ на турецкую лѣвофланговую часть и опрокинулъ ее, а другая наша колонна вела успѣшный бой у Юзверана. Къ сѣверу отъ Кебри-Кей, въ хребтѣ Дюрджи-Дагъ, беретъ начало рѣка Ольтычай, направляющаяся къ нашей границѣ. Сюда повидимому турки направили часть своихъ войскъ, а курдская конница появилась между кебрикейской позиціей и Алашкертской долиной, у города Даяра. Тутъ четыре полка курдской конницы были разсѣяны нашими войсками. Главнымъ образомъ дѣятельность курдской конницы проявляется въ проходахъ хребта Алла-Дагъ къ югу отъ персидскаго транзита, т. е. большого тракта, идущаго отъ Трапезонда черезъ Эрзерумъ, Кебри-Кей, Даяръ, Алашкертъ, Каракалису, Діадинъ, Баязетъ на Тавризь. Всѣ операціи нашихъ силъ на турецкомъ театрѣ происходятъ въ районѣ рѣки Евфрата.

Война съ Турціей началась всего двѣ недѣли тому назадъ, но нашими войсками уже занята широкая полоса турецкой Арменіи, лежащая вдоль нашей границы, и изъ наиболѣе значительныхъ пунктовъ въ рукахъ турокъ остается только Эрзерумъ съ его райономъ.

Минувшая недѣля отмѣчена тѣмъ, что союзнымъ войскамъ удалось наконецъ отбросить на правый берегъ рѣки Изера послѣднія части германцевъ, перешедшихъ двѣ недѣли тому назадъ на лѣвый берегъ. На сѣверѣ происходили ожесточеннѣйше бои. Германцы производили атаку за атакой, но всѣ онѣ отражались; однако продвинуться союзнымъ войскамъ впередъ тоже не представлялось возможности.

Отчасти такое положеніе вещей объясняется тѣмъ, что во Фландріи идутъ проливныя дожди. Траншеи и позиціи залиты водой. Германцы страдаютъ отъ этого больше, чѣмъ союзники, такъ какъ имъ при постоянномъ наступленіи приходится мѣнять свои позиціи и потому устраивать прикрытія спѣшно, между тѣмъ какъ союзники заботятся больше о здоровьѣ людей и возводятъ свои сооруженія болѣе практично. На берегахъ Изера рукопашныя бои часто происходили прямо въ водѣ. Германскіе солдаты совершенно истощены трудомъ непрерывнаго самоокапыванія.

Городъ Диксмю день былъ совершенно затопленъ. Поэтому движеніе германцевъ впередъ невозможно, и вся операція ихъ арміи, направленная къ овладѣнію Диксмюндена, оказалась бесполезной. Плѣнные офицеры разсказывали, что сраженіе на рѣкѣ Изерѣ стоило германцамъ 90.000 жизней, причѣмъ было убито пять генераловъ. Вдоль бельгійскаго побережья союзники выигрываютъ шагъ за шагомъ новыя позиціи. Правда, ими былъ оставленъ городъ Диксмюнденъ, но это было вызвано тѣмъ, что онъ теперь совершенно бесполезенъ съ точки зрѣнія военной, такъ какъ выжженъ и затопленъ; къ тому же южныя пригороды его находятся въ рукахъ союзной арміи и прорывъ германскими войсками французской линіи невозможенъ.

Ожесточенная атака была произведена прусскимъ гвардейскимъ корпусомъ противъ 1-го армейскаго французскаго корпуса предъ Ипромъ. Германцы прилагали особыя усилія для того, чтобы прорвать фронтъ французскихъ войскъ. Первый корпусъ подвергся жесточайшей бомбардировкѣ, послѣ чего были произведены атаки прусскаго гвардейскаго корпуса. Однако благодаря стойкости французскихъ войскъ попытки германцевъ не удалась, и они были отбиты.

Въ общемъ къ концу недѣли положеніе во Фландріи для германцевъ значительно ухудшилось. Союзники снова перешли въ наступленіе. Всѣ атаки германцевъ у Изерскаго канала отбиты, отражено и послѣднее ихъ нападеніе на Ипръ, а кромѣ того ихъ линія сообщенія съ Диксмюнденомъ подвергается серьезной опасности со стороны союзниковъ, которые препятствуютъ германцамъ въ доставкѣ тяжелыхъ орудій на передовыя позиціи.

Г. П.

Д. С. Митрохинъ. „Царьградъ“.

Алексѣй Ремизовъ.

ЗЕМНЫЯ ТАЙНОСТИ.

Народныя сказки.

Морока.

Служилъ одинъ солдатикъ двадцать пять лѣтъ царю вѣрой и правдой, а царя въ глаза не видалъ. Пришелъ срокъ, получилъ солдатъ отставку и пошелъ домой.

Выходитъ онъ изъ городу и раздумался.

«Что я за дуракъ за солдатъ, двадцать пять лѣтъ вѣрой и правдой царю служилъ, царя не видалъ. Спросить про царя, что я скажу?»—взялъ да и повернулъ назадъ въ городъ и прямо къ царскимъ палатамъ.

У воротъ сторожа.

— Куда, землякъ, идешь?—остановили.

— А вотъ, землякъ, царя посмотрѣть: двадцать пять лѣтъ царю служилъ, царя въ глаза не видалъ.

Доложили царю про солдата. И велѣлъ царь позвать солдата къ царю на лицо.

— Здравствуй, землякъ!

— Здравія желаю, ваше царское величество.

— Что тебѣ, землякъ, нужно?

— Лицо ваше царское посмотрѣть: двадцать пять лѣтъ царю прослужилъ, царя не видалъ.

Царь посадилъ солдата на лавку.

— А что,—говоритъ,—солдатикъ, загаду я тебѣ загадку: сколь, солдатикъ, свѣтъ великъ?

— А не очень, ваше царское величество,

свѣтъ великъ: въ двадцать четыре часа солнышко кругомъ обходитъ.

— Правда, солдатъ! А сколько отъ земли до неба высоты?

— Не очень, ваше царское величество, отъ земли до неба высоко: тамъ стучать, здѣсь слышно.

— Ладно. А загаду я тебѣ третью загадку: сколь морская глубина глубока?

— Ну, ваше царское величество, тамъ неизвѣстно: былъ у насъ дѣдъ семидесяти лѣтъ, ушелъ на тотъ свѣтъ,—и теперь его нѣтъ.

— Правда, солдатъ!

Поправились царю отвѣты, и далъ царь солдату въ награжденіе четвертной билетъ. Попрощался солдатъ, да прямо отъ царя въ трактиръ.

Сутки погулялъ—десять золотыхъ прогулялъ. Жалко стало солдату царской награды.

— Вотъ,—говоритъ трактирщику,—на тебѣ мой четвертной билетъ, я пойду тебѣ золота добывать.

И пошелъ солдатъ на базаръ, купилъ морковъ, сдѣлалъ десять золотыхъ, и назадъ въ трактиръ, подаетъ трактирщику.

— Получайте!

Трактирщикъ золото принялъ, четверт-

„Обстрѣлъ Реймскаго собора“. Рис. Милашевскаго.

ную солдату отдать, а золото въ шкатулку спряталъ. Солдату тутъ бы и уйти съ Богомъ, а онъ, нѣтъ, у трактирщика окопачивается. Вздумалъ трактирщикъ провѣрить шкатулку, хватъ, а тамъ не золото, а кружки морковные. Трактирщикъ кружки въ карманъ себѣ сунулъ да изъ трактира, въ чемъ былъ, такъ и выско илъ, да солдата за шиворотъ и прямо къ царю. И приноситъ царю на солдата жалобу, что прогулялъ солдатъ десять золотыхъ, а отдалъ десять морковныхъ кружковъ.

— Ваше царское величество, велите ему показать, чѣмъ я раздѣлялся!

Трактирщикъ и вынимаетъ изъ кармана—анъ не морковь, а золото—какъ золото изъ чекану.

— Видите, в ше царское величество.

Царю-то ужъ больно понравилось, отпустилъ царь трактирщика въ трактиръ и говоритъ солдату:

— Молодецъ—солдатъ, сядь-ка, побесѣлуй со мной.

Присѣлъ солдатикъ на лавку, ждетъ царской воли.

— Ну-ка, солдатикъ, пошути ты и надо мной шутку, да легоньку.

— Могу, ваше царское величество!—и проситъ царя на диванъ пересѣсть.

Послушался царь солдата, пересѣлъ на диванъ.

— А который будетъ часъ, ваше царское величество?

— Первый въ начинѣ,—сказалъ царь.

И вдругъ дверь—у-у-ухъ!—полна палата воды: затопило царя на диванѣ по шейку,—и ударился царь изъ палаты своихъ бѣжать, а на дворѣ ему вплавь. Куда тутъ дѣться? Ухватился онъ за лѣстницу и ну карабкаться. И покрыла матушка-полая вода всѣ лѣса темные. Сидитъ царь на кончикѣ, захлебывается. Тутъ откуда ни возмись лодка,—брякъ въ лодку. Поднялся вѣтеръ и унесло царя Богъ знаетъ куда.

Стала вода понемногу пропадать и пропала. И крѣпко захотѣлось царю поѣсть. Идетъ старуха, несетъ булочки.

— Пожалуй, бабушка, сюда,—говоритъ царь,—продай мнѣ булочку.

— Охъ, ваше царское величество, булочки-то больно жестки, ночевочки, нате подержите, я вамъ мяконькихъ принесу.

Царь у старухи взялъ булки, держитъ, думаетъ себѣ:

«Слава Богу, хоть чтонибудь!»—очень проголодался.

И только что хотѣлъ отщипнуть кусочекъ, идетъ на него надзиратель Борисовъ.

— Чего,—говоритъ,—ты тутъ держишь?

— Булочки.

— Ну-ка, я посмотрю.

Царь разжалъ руку, глядь—человѣчьи головы.

Борисовъ его цопъ—въ часть.

До утра въ части просидѣлъ, а тамъ и суду предали, да въ острогъ. И пока искали да разыскивали, натерпѣлся въ острогѣ-то. И дознались, судили и засудили: приговорили къ наказанію и навѣчно въ каторгу.

«Охъ, солдатъ, солдатъ, что надо мною сдѣлалъ!»

Везутъ царя, а палачъ только усмѣхается.

И привезли на площадь, раздѣли, поставили. Взялъ палачъ двухвостный кнутъ...

— А, батюшки!—какъ закричитъ царь.

Тутъ вбѣжали въ палату сторожа-приближенные, смотрятъ: сидитъ царь на диванѣ, а противъ царя солдатъ на лавкѣ.

— Ну, спасибо, солдатъ, пошутить ты надо мной хорошо!

— А посмотрите-ка, ваше царское величество, который часъ?

Царь-то думалъ, что времени съ годъ прошло, а всего-то одинъ часъ прошелъ.

Солдатъ. Рис. Л. А. Бруни.

И попрощался царь съ солдатомъ, отпустилъ его на всѣ четыре стороны.

Приходитъ солдатъ въ деревню. У околицы народъ стоитъ кучкой.

— Миръ вашему стоянію, пустите ночевать!

— Пойдемъ ко мнѣ солдатикъ, — выискалъ старикъ.

Ну, и пошелъ солдатъ за старикомъ. Пришли въ избу, дѣдъ и спрашиваетъ:

— А не умѣешь ли ты сказки сказывать?

— Молно, дѣдушка, и сказать.

— Ну-ка, скажи!

— А что тебѣ одному сказывать, чай у тебя есть семейка?

— Есть, солдатикъ, два сына, двѣ невѣстки.

— А вотъ и хорошо, когда придутъ въ избу, всѣ и послушаютъ.

Сошлись сыновья и невѣстки, сѣли ужинать, поужинали, да и спать.

Легъ дѣдушка съ солдатомъ на полати.

— Ну-ка, солдатикъ, скажи сказку-то!

— Эхъ, дѣдушка, сказки-то я вѣдь нехорошими словами сказываю, а вонъ невѣстки сидятъ.

Старикъ перегнулся съ полатей.

— Невѣстки, живо спать!

Невѣстки дѣда послушали, постельки постелили и спать легли.

— Ну, солдатикъ, скажи теперь! — ужъ очень дѣду хочется сказку послушать.

— А что я тебѣ скажу, дѣдушка! Посмотри-ка хорошенько, кто мы съ тобой? Ты-то — медвѣдь, да и я-то — медвѣдь.

Ощупался дѣдъ, пощупалъ солдата: такъ и есть — и самъ-то медвѣдь, и солдатъ-то медвѣдь.

— Медвѣди, солдатикъ.

— То-то и оно-то, что медвѣди, дѣдушка, и нечего намъ на полатяхъ разлеживаться, надо въ лѣсъ бѣжать.

— Извѣстно въ лѣсъ! — согласился дѣдъ.

— А смотри, дѣдушка, въ лѣсъ-то мы убѣжимъ, а тамъ охотники насъ и убьютъ. И если, дѣдушка, тебя напередъ убьютъ, такъ я черезъ тебя перекувырнусь, а если меня убьютъ, ты черезъ меня кувыркайся, — будемъ оба живы.

Прибѣжали въ лѣсъ, а охотнички тутъ-какъ-тутъ, грохъ въ солдата — и убили. Дѣдъ стоитъ: что ему дѣлать? бѣжать? — и его застрѣлятъ, и вспомнилъ, что перекувырнуться надо, перекрестился, да черезъ солдата какъ махнетъ.

— А, батюшки! — закричалъ голосомъ старикъ.

Невѣстки повскакали, огонекъ вздули, а дѣдъ на полу лежитъ враспяжку: экъ, его угораздило!

— Хорошо еще Богъ спасъ! съ такой высоты!

— Поднялъ солдатъ дѣда на полати — больше не надо и сказки! — и до свѣта ушелъ сказывать свои сказки.

А. Ремизовъ

Глухіе и слѣпые.

Статья проф. В. Д. Плетнева.

Событія міровой войны поочередно ставятъ предъ нами факты, которые можно и должно было заранѣе предусмотрѣть и предвидѣть.

Не надобно забывать, что извѣстная доля ответственности лежитъ и на той части русскаго общества, которая, „разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ“, упрямо закрывала глаза на неотвратимыя послѣдствія нашей уступчивости, какъ начальнаго проявленія недопустимаго государственнаго альтруизма.

Полусогбенныя фигуры „руководителей“ извѣстной части нашего общества всегда появлялись на порогахъ большихъ, выдающихся событій и важныхъ государственныхъ требованій и съ забавными приемами пустословія доктора Вагнера изъ „Фауста“ старались прикрыть узость мысли и черствость души туманными разглагольствованіями о мирѣ всего міра. Опираясь на общественную непривычку заниматься вишней политикой, наши доктора Вагнера и въ настояще дни скорби и пробудившагося чувства государственности неустанно продолжаютъ свои гипнотическіе пассы надъ частью общества, которая все еще довѣряетъ имъ.

Предложивъ отдать на австрійскую погребу нашу вѣрную союзницу Сербию въ началѣ войны, они теперь принялись за хитроумныя комбинаціи для рѣшенія балканскаго вопроса. Имъ дѣла нѣтъ до того, что провозвѣнныя че-

Турецкіи велиини визиръ Саидъ-Халиль-паша.

резъ Болгарію орудія стрѣляютъ по русскимъ войскамъ, снаряды тяжелыхъ орудій, которыхъ Турція не имѣла, разрушаютъ наши прибрежные города, а нѣмецкіе руководители разрабатываютъ и осуществляютъ нападеніе турокъ на Россію. Намъ, захлебываясь отъ дешеваго умиленія, то разсказываютъ о томъ, какъ надобно хранить сонъ плѣннаго нѣмца: „тише — нѣмецъ спать“, то, флиртуюя милосердіемъ, рекомендуютъ не метить злодѣямъ, разрушающимъ города, насплюющимъ женщинъ и убивающимъ дѣтей. И это называется милосердіемъ!..

За свое слѣпое довѣріе къ господамъ Вагнерамъ наше общество уже жестоко поплатилось.

Теперешнее выступленіе Турціи поставило предъ Россіей совершившійся фактъ нападенія на насъ подручныхъ нѣмцевъ, которое для насъ давно уже было несомнѣннымъ. Официальныя заявленія, раздавшіяся съ разныхъ сторонъ отъ ответственныхъ представителей союзныхъ державъ, говорятъ о необходимости отвѣтить на турецкую авантюру актомъ государственнаго упрямства и окончательнаго раздѣла „большаго человѣка“.

Въ нѣкоторыхъ газетахъ появились опросы представителей нашего общества, касательно предвидимыхъ ими результатовъ нашей несомнѣнной побѣды надъ турками. Казалось бы, весь выстраданный нами опытъ прошлаго обязываетъ признавать, какъ несомнѣнныя, слѣдующія аксіомы: во всѣхъ войнахъ съ Турціей Россія оказывалась побѣдительницей и всегда ея дипломатія не умѣла извлечь необходимыхъ послѣдствій побѣды, не смѣя настаивать на жизненно ей необходимыхъ условіяхъ мира. Берлинскій трактатъ, исторія котораго теперь уже вполне раскрыта, показала, что только необъяснимая робость предъ запугиваніемъ, которая не имѣла подъ собой достаточныхъ основаній, непродуманнаго опасенія дѣйствительнаго выступленія Англии и Австріи, заставили свести на-нѣтъ все героическія жертвы русскаго народа въ Освободительной войнѣ 1877—78 годовъ. Недавно напечатанные мемуары герцога Аргили наглядно подтверждаютъ, какъ далека была Англія отъ готовности дѣйствительно воевать за проливы Чернаго моря съ Россіей.

Недавняя война Италіи съ Турціей служила новымъ подтвержденіемъ высказываемой нами мысли. Овладевъ островами Додеканеза и ва-кѣйшимъ стратегическимъ пунктомъ на Средиземномъ морѣ ввидѣ острова Родоса, Италія въ Африкѣ стала сосѣдомъ Англии и Франціи, какъ членъ враждебной имъ политической группировки. Затронутость интересовъ Англии и Франціи турецко-итальянской войной была дѣйствительно очень велика. И однако же итальянская дипломатія, опираясь на сочувствіе широкихъ слоевъ общества, рѣшительно заявила свое „non possumus“ противъ всѣхъ попытокъ перенести заключеніе Италіей мира съ Турціей на совмѣстное обсужденіе европейскаго „концерта“. Суровой непримиримостью своихъ настояній итальянцы добились того, что заключенный ими миръ съ Турціей былъ дѣйствительно итальяно-турецкимъ соглашеніемъ, обезпечившимъ побѣдныя усилія, достигнутыя страной.

Что же мы наблюдаемъ теперь въ войнѣ, которую Турція начала противъ Россіи? Мы видимъ, что въ англійской печати говорятъ о передачѣ проливовъ небольшимъ державамъ, т. е. той же самой столь „вѣрной“ намъ Болгаріи, а французская печать великодушно позволяетъ намъ овладѣть армянскимъ плоскогорьемъ. Поступающія далѣе извѣстія разсказываютъ, что Италія ведетъ переговоры съ Англійей относительно условій будущаго дѣлежа Турціи, обезпечивая ей помощь въ Египтѣ.

Конечно для начала все это очень недурно, но не худо бы вспомнить итальянцамъ и объ интересахъ Россіи.

Надо ли доказывать, что дѣлежъ Турціи станетъ возмож-

п. митуричь.

П. В. Митуричь. „Морской бой“.

нимъ лишь послѣ того, какъ наши героическія войска уничтожатъ турецкую армию, заплативъ за побѣды дорогою цѣной? Поэтому мы должны теперь же заявить итальянцамъ, что будущія приобрѣтенія, купленные цѣною русской крови, должны быть вознаграждены Италией въ другомъ мѣстѣ. Мы должны теперь же рѣшительно заявить итальянскому правительству, что помощь въ Египтѣ даетъ Италия право на благожелательство Англии, но не обязываетъ къ жертвамъ Россіи.

Если Италия очевь надобны концессіи въ области Адаліи, то къ нимъ она сможетъ подойти только приказомъ своимъ арміямъ перейти въ наступленіе въ направленіи Вѣны. Только при этихъ условіяхъ мы сможемъ поддержать ея притязанія получить свою часть на малоазіатскомъ побережьи.

Какъ ни близоруки проекты лондонской и парижской печати насчетъ проливовъ, но объясненіе имъ вполнѣ дается поговоркой „своя рубашка ближе къ тѣлу“.

Гораздо болѣе удивительно, что въ русскомъ обществѣ не составилось до сихъ поръ опредѣленнаго единства взгляда на ближайшія и неустраняемыя цѣли теперешней войны Россіи съ Турціей. Неужели нужно еще доказывать, что проливы Чернаго моря и прилегающая къ нимъ территория должны быть нераздѣльно и неоспоримо въ русскихъ рукахъ, что мы обязательно должны обладать ими на полной нашей волѣ. Только тогда мы сможемъ быть спокойными за тысячеверстную пограничную черту нашего черноморскаго побережья, которое на всемъ своемъ пространствѣ теперешнихъ турецкихъ границъ должно принадлежать исключительно Россіи. Лишь съ момента обладанія проливами, какъ выходомъ къ мировымъ дорогамъ изъ Средиземнаго моря, наше необъятно-

богатое черноморское побережье сможетъ жить широкой и кипучей жизнью, полной работой огромныхъ производительныхъ силъ. И лишь съ момента получения нами точки опоры на Балканскомъ полуостровѣ мы сможемъ имѣть тамъ достаточное вліяніе для того, чтобы обезпечить длительный миръ и охраненіе чести и интересовъ Россіи, уже 25 лѣтъ стоящихъ подъ вопросомъ. Только тогда идея балканскаго таможеннаго союза, съ Россіей во главѣ, получитъ реальныя возможности и дѣятельную силу.

И тѣмъ не менѣе именно теперь, когда грозная сила Россіи проявилась миру во всей ея неизмѣримости, изъ среды нашего общества раздаются трусливые голоса, предлагающіе Россіи за всѣ муки прожитыя и обманы испытанныя, удовлетвориться „открытіемъ проливовъ для всѣхъ націй“.

Снова полусогбенныя фигуры и трепетные голоса тамъ, гдѣ мѣсто только гордой смѣлости и праву, подкрѣпленному силой.

Чего боятся эти господа, предъ кѣмъ еще хотятъ свернуть складки русскаго знамени, осѣяннаго побѣдой! Или къ смутамъ печально прожитой жизни они хотятъ добавить постоянно уязвимую пятю, источникъ подозрѣній и споровъ, бездонную бочку новыхъ вооруженій и безпокоящихъ для нашего благодатнаго юга? Неужто они не видятъ, что Россія—уже не колосъ на глиняныхъ ногахъ, а цвѣтущій организмъ, полный силъ и неистребимой воли къ жизни? Кто помѣшаетъ ей въ дѣлѣ, гдѣ силъ физической сопустствуетъ правда нравственная и логикѣ исторіи—нужда великаго народа.

Когда же, когда наконецъ общество наше пойметъ, что въ мировой борьбѣ меньше жертвъ несетъ лишь тотъ, кто имѣетъ больше воли?

В. Плетневъ.

п. митуричь.

П. В. Митуричь. „Бой въ воздухѣ“.

Встрѣча.

Рассказъ **В. Карачаровой.**

Я долго ждалъ трамвая на площади, тщетно прятался отъ вѣтра, тщетно старался избѣжать толчковъ, стоя въ толпѣ, и когда наконецъ подошелъ вагонъ, я вскочилъ въ него продрогшій, весь засыпанный снѣгомъ и злой. Шурясь отъ яркаго свѣта послѣ темноты, я прошелъ впередъ и сѣлъ у двери.

Противъ меня сидѣла нарядная дама, а рядомъ съ нею — генералъ и гимназистъ.

Кто сидѣлъ дальше, я не замѣтилъ. Что-то странное произошло и какъ-то совсѣмъ необычно и неожиданно забилось сердце. Еще въ сознаниіи ничего не мелькнуло, еще я ничего не понималъ, а уже оно было, это «что-то» — и грустное, и радостное въ то же время.

Я увидѣлъ сонъ... Да, конечно это былъ сонъ, потому что все кругомъ исчезло. Исчезъ вагонъ съ его рѣзкими звонками, исчезъ неуклюжій кондукторъ, исчезла публика, затолпившаяся у двери предъ остановкой, исчезла улица, вѣтеръ, весь городъ со всѣми домами.. И еще исчезли долгіе годы, два длинныхъ десятилѣтія... Точно ихъ и не было никогда. У меня нѣтъ сѣдыхъ волосъ на вискахъ и мои плечи не согнуты подъ тяжестью того невидимаго гнета, который называется жизнью. Нѣтъ, какіе же сѣдые волосы? Вѣдь мнѣ всего семнадцать лѣтъ.

Я иду по тѣнистой лѣсной дорогѣ, и со мной она. У нея большіе темные глаза, яркія красныя губы и длинные пальцы съ узкими, блестящими ногтями. Она въ бѣломъ платьѣ, высокая и красивая. Какая красивая! Никогда не бывало и не будетъ на свѣтѣ другой такой красоты.

— У меня нѣтъ подругъ, — говоритъ она. — Хотите быть моей подругой? Это для вашего мужского достоинства не обидно?

Обидно! Я краснѣю отъ счастья. Да не только

подругой, а горничной, кухаркой ея я согласенъ быть, лишь бы не разставаться съ нею никогда.

Мы часто ходимъ по этой лѣсной дорогѣ, когда-то проѣзжей, а теперь заброшенной. Мы ходимъ по ней далеко и никогда почти никого не встрѣчаемъ.

Небо такое синее-синее, и пахнетъ сосной. Сухой сѣрый мохъ хруститъ подъ ногами. Ея загорѣлое лицо раскраснѣлось отъ жары и растрепались пушистые темные волосы.

— Посидимъ немного, — говоритъ она и садится въ тѣни подъ большимъ деревомъ.

Я растягиваюсь на травѣ возлѣ нея и снимаю фуражку.

— Какой вы смѣшной, Володя! И развѣ вамъ не скучно со мной? Вѣдь вы могли бы уѣхать на велосипедѣ съ товарищами, могли бы кататься на лодкѣ.

Въ семнадцать лѣтъ трудно понять всѣ тонкости кокетства, и все принимаешь за чистую монету.

Я цѣлую ея руки, ея длинные пальцы съ полированными ногтями, я подтягиваюсь на локтяхъ ближе къ ней и осторожно пробую прижаться лицомъ къ ея колѣнамъ.

— Ни съ кѣмъ мнѣ не было такъ хорошо, какъ съ вами, — говорю я тихо.

Она смѣется и ерошитъ мои волосы.

— Отчего вамъ можетъ быть хорошо со мной? Вѣдь я часто дразню васъ, капризничаю.

Я прячу лицо въ ея колѣнахъ, я вдыхаю знакомый и сладкій запахъ ея духовъ и, замирая отъ стыда и счастья, говорю:

— Я люблю васъ, Тамара. Вы не знаете, какъ я люблю васъ.

— Глупый мальчикъ, вѣдь я старше васъ на два года.

— А вы-то, а вы? — спрашиваю я, не поднимая головы.

— Что—я?.. Да посмотрите на меня пожалуйста. Куда вы тамъ запрягались? Вы спрашиваете, люблю ли я васъ? Да конечно люблю. Если бы не любила, не рассказывала бы вамъ всего, не брала бы васъ съ собой.

Она говоритъ это такъ просто и, когда я вскакиваю и сажусь около нея, она позволяетъ мнѣ обнять себя и поцѣловать въ губы. Но только одинъ разъ... И смѣется, говоря, что я не умѣю цѣловаться.

А потомъ я лежу на спицѣхъ, положивъ голову къ ней на колѣна, и гляжу въ синюю глубину неба, въ зеленное кружево громадныхъ сосенъ и въ черный бархатъ тамаринныхъ глазъ. Она кладетъ мнѣ подъ голову свою голую до локтя руку, шутя баякаетъ меня, напѣвая пѣсенку, и нагибается ко мнѣ. Ея грудь касается моего лица. Какое неслыханное ощущение! Я дѣлаю маленькое движеніе и крѣпче прижимаюсь къ ней. Она конечно не замѣчаетъ этого и конечно не можетъ угадать моихъ дерзкихъ мыслей, иначе навѣрное отодвинулась бы.

Потомъ мы опять идемъ. И вдругъ неожиданно встрѣчаемъ офицера, того, который пріѣзжалъ недавно изъ города и съ которымъ она такъ долго гуляла вечеромъ въ паркѣ.

Нѣкоторое время мы идемъ втроемъ, потомъ Тамара говоритъ мнѣ:

— Сбѣгайте домой за моимъ зонтикомъ, Володя. Такъ жарко! Когда мы выходили, было пасмурно, и я не думала, что станетъ такъ жарко.

Развѣ было пасмурно, когда мы выходили? А я и не замѣтилъ. Но я не возражаю и послушно бѣгу домой.

Я возвращаюсь через полчаса на велосипедѣ. Зонтикъ держу подъ мышкой. Долго иду Тамару около того мѣста, гдѣ мы разстались, свертываю въ просѣку, опять бѣгу назадъ.

Вдругъ какой-то странный звукъ заставляетъ меня насторожиться. Я бросаю велосипедъ и иду.

На маленькой, окруженной елками, лужайкѣ сидятъ они—Тамара и офицеръ. Онъ запрокинулъ ее голову себѣ на плечо и цѣлуетъ ее, цѣлуетъ... въ глаза, губы, волосы. Потомъ онъ рѣзкимъ движениемъ расстегиваетъ воротникъ ее кофточки.

Я вижу, какъ отскакиваетъ одна бѣлая пуговка и исчезаетъ въ травѣ. Онъ навѣрное разорвалъ ей платье вѣдь я знаю, какое оно тонкое.

Точно туманомъ заволакивается все у меня предъ глазами, и я убѣгаю отъ этого страшнаго мѣста. Я забываю и зонтикъ, и велосипедъ, и бѣгу въ чащу безъ всякой дороги, дальше, дальше.

А на слѣдующій день Тамара присылаетъ за мной и показываетъ на велосипедъ, который сама привела изъ лѣса. Она плачетъ, проситъ у меня прощенья и увѣряетъ, что все-таки любитъ одного меня.

Но офицеръ черезъ нѣсколько дней прїѣзжаетъ снова, потомъ еще прїѣзжаетъ. Онъ крутитъ усы и такъ противно звенитъ шпорами. И она ходитъ съ нимъ вечеромъ гулять. А я убѣгаю одинъ куда нибудь на лугъ, на берегъ рѣки, и лежу, слушаю шумъ воды на мельницѣ да крикъ коростелей. Лежу до самой ночи...

Я проснулся. Вѣрнѣе, меня разбудили, и пропалъ мой чудесный сонъ. Толстый контролеръ спрашиваетъ у меня билетъ. Опять трамвай, опять занесенные снѣгомъ пассажиры, звонки, неуклюжій кондукторъ.

Долгіе годы, два длинныхъ десятилѣтія... А вѣдь вотъ, кажется, протянешь руку и дотронешься до этой мягкой травы, до нагрѣтаго за день песка на берегу. И въ ухахъ еще стоитъ коростелиный крикъ.

Милая Тамара! Я никогда больше никого не любилъ такъ, какъ тебя. Я никогда никого не ревновалъ, какъ тебя. И какое тихое счастье, какая тихая радость остались у меня въ душѣ отъ того далекаго лѣта.

Мы разстались осенью: она уѣхала на югъ, я—на сѣверъ. Тогда мы не думали, что разстанемся навсегда. Мы хотѣли снова встрѣтиться на будущей годъ.

Я смотрю на сидящую противъ меня даму и на ее спутниковъ. Гимназистъ похожъ на мать, онъ похожъ также на мою далекую Тамару. А генералъ? Быть можетъ, это и есть тотъ самый кавалерійскій офицеръ?

Не все ли мнѣ равно?

Я пристально гляжу въ темные глаза. Узнаетъ ли она меня? Нѣтъ, ее взглядъ скользитъ по моему лицу такъ же безразлично, какъ и по лицу моего сосѣда. Неужели я такъ постарѣлъ?

Я ловлю себя на томъ, что мнѣ хочется, мучительно хочется, чтобы она узнала меня.

— Милая, единственная!—повторяю я мысленно.

Какое ребячество!

Они собираются выходить. Проходя къ двери, она слегка заѣмаетъ меня за ногу, потому что я нарочно подался впередъ, чтобы дотронуться до нея.

Какъ она мало измѣнилась. Почти не постарѣла. И волосы такіе же черные.

Она выходитъ на площадку. Сзади идетъ гимназистъ. Онъ выше ее и очень красивъ. Генералъ встаетъ послѣ всѣхъ. Неужели это—тотъ самый офицерикъ со шпорами и томнымъ взглядомъ? Такой плотный, самодовольный и съ такими яркими красными отворотами.

Какое ребячество! Не все ли мнѣ равно?

Они ушли. На темной площадкѣ позади блестящаго генеральскаго петона мелькнуло еще разъ ее лицо.

Да, конечно это лучше, что она не узнала меня. Вѣдь она—другая теперь. И я—другой, совсѣмъ другой, потому что мнѣ давно не семнадцать лѣтъ.

Я остался одинъ въ дребезжащемъ вагонѣ.

Никогда не чувствовалъ я такъ остро своего одиночества.

В. Карачарова.

Бельгийские матросы обстреливают немецкий монопланъ.

„Золотая книга“ Бельгии.

Статья **Е. П. Семенова.**

Какъ бы ни кончилась война, маленькая Бельгия покрыла себя во всякомъ случаѣ и навсегда неуязвимой славой.

Народъ, въ которомъ король и рабочий, крестьянинъ и купецъ, священникъ и воинъ, юноши и старцы, дѣти и женщины, всѣ вмѣстѣ, спаянные высшей доблестью и героизмомъ, творятъ легенду на глазахъ всего міра, этотъ народъ заслуживаетъ всѣ громкіе эпитеты, на какіе только способенъ человѣческій языкъ.

Изъ всѣхъ этихъ эпитетовъ употребляемый извѣстнымъ историкомъ, бывшимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, французскимъ академикомъ Габриелемъ Ганото, наиболее отвѣчаетъ правдѣ событій: *Величіе Бельгии* (*La grandeur Belge*). Такъ Ганото опредѣляетъ роль и поведение Бельгии въ этой великой войнѣ народовъ, которая явится началомъ новой эры въ исторіи человѣчества.

Да, на долгие вѣка будетъ сиять ярко надъ человѣчествомъ величіе Бельгии, явившей исключительный образецъ вѣрности данному слову, честности, мужества и геройской храбрости въ борьбѣ за свою родину, за свою независимость и за свою честь.

Изъ опубликованныхъ дипломатическихъ документовъ, особенно изъ английской „Бѣлой книги“ (*), мы уже знаемъ о томъ, что, готовясь къ войнѣ, Германия давно рѣшила и сдѣлала заблаговременно всѣ приготовления къ тому, чтобы нарушить нейтралитетъ Люксембурга и Бельгии.

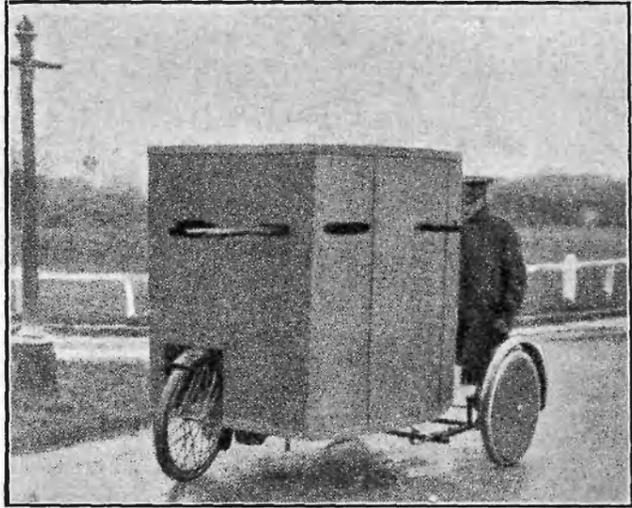
Бельгійское правительство не допускало мысли о нарушении трактата, который былъ возобновленъ въ Лондонѣ (же) 19-го августа 1839 г. и ст. 25 котораго гласитъ:

„Дворы австрійскій, великобританскій, прусскій, русскій и французскій гарантируютъ его величеству королю бельгійскіе исполненіе всѣхъ предыдущихъ статей“.

Но въ первый же день войны, 4-го августа нов. ст., Германия предъявляетъ Бельгии свой дерзкій ультиматумъ о пропускѣ войскъ и требуетъ отвѣта черезъ 12 часовъ по его предъявленіи, грозя въ случаѣ отказа пропустить германскія войска — „считать Бельгію непріятельской страной“ (**).

*) Изъ двухъ появившихся въ Россіи переводовъ „Бѣлой книги“ только одна является полнымъ и точнымъ переводомъ съ англійскаго текста „Бѣлой книги“, а именно: „Бѣлая книга“, Петроградъ, изданіе Л. С. Розена, 1914 г., цѣна 65 к.

**) Тамъ же, стр. 110.

Бельгійская блиндированная мотоциклетка.

Бельгійское правительство категорически, съ большимъ достоинствомъ отклонило это незаконное требованіе, испробовавъ однако еще послѣднее средство. Бельгійскій король обратился къ англійскому съ депешей слѣдующаго содержания:

„Вспомня многочисленные доказательства дружбы вашего величества и вашего предшественника и дружественное отношеніе Англии въ 1870 г., а также доказательство дружбы вновь намъ сейчасъ данное, я обращаюсь съ высшей апелляціей о дипломатическомъ вмѣшательствѣ правительства вашего величества для сохраненія неприкосновенности Бельгии“.

Но уже 4-го августа германскія войска подступили къ Льежу. Остальное извѣстно.

Льежъ, Намюръ, Монасъ, Шарльруа, Малинь, Брюссель, Лувэвъ, Антверпенъ, Остенда — отнынѣ громкія имена, горящія яркимъ пламенемъ славы въ „Золотой книгѣ“ бельгійскаго величія, котораго многие, не зная Бельгии, не ждали этъ нея.

Тѣхъ же, которые Бельгію знали, ея поведеніе не удивило, и ея *величіе* для нихъ не явилось неожиданностью.

Наша большая публика почему-то связывала имя Бельгии съ городскими займами, съ концессіями на освѣщеніе, съ электрическими трамваями... Забывали, что Бельгія — страна музеевъ, страна мощнаго Мевье — ровни и соперника Родена, страна Метерлика, Эм. Верхарна, Лемонье, Роденбаха и др.,

Въ Бельгии существовали и существуютъ не только католическіе университеты; въ ней впервые былъ созданъ свободный университетъ, въ которомъ первоклассные европейскіе ученые состояли преподавателями. Международныя профессорскія, научныя, политическія, гуманитарныя, благотворительныя и т. п. организаціи возникли въ ней не въ меньшемъ числѣ, чѣмъ въ Швейцаріи и Голландіи; центральныя бюро и институты права, статистики, социальныхъ наукъ, связанныя съ именами Сольвэ, сенатора Лафонтеана и др., не уступаютъ подобнымъ же учрежденіямъ не только Швейцаріи и Скандинавскихъ странъ, но и Америки Рокфеллеровъ, Карнеджи и др.

А рабочія организаціи, народныя дома, народныя кооперативы и т. п. несомнѣнно занимаютъ первое мѣсто и служатъ образцами для другихъ цивилизованныхъ націй. Почему-то забывали, что этотъ маленький, трудолюбивый, аккуратный, честный народъ проявилъ энергію, предприимчивость, настойчивость и творческій духъ не только въ области промышленности, торговли, техники, но и въ создани на нашихъ глазахъ, несмотря ни на какія препятствія, огромнаго коло-

ниального государства (Бельгийское Конго), въ борьбѣ за свою свободу раньше и—въ наши дни—за свободу совѣсти, за политическія вольности, за социальную справедливость. Въ этомъ отношеніи Бельгія если не количественно, то качественно не уступала Англии и уже конечно превосходила Германію.

А въ чемъ она несомнѣнно превосходила послѣднюю, такъ это въ участіи ея интеллигенціи во всѣхъ гуманитарныхъ и идеальныхъ движеніяхъ нашего времени. Мы встрѣчали ея государственныхъ дѣятелей, ея ученыхъ, ея писателей во всѣхъ международныхъ организаціяхъ, ассоціаціяхъ, обществахъ, лигахъ и т. п., являющихъ цѣлью гуманизмъ, солидарность между людьми и народами, защиту угнетенныхъ и т. д. Ея недавно умершій бывшій министр-президентъ Бернартъ (правый) и сенаторъ Лафонтанъ (лѣвый)—лауреаты Нобелевской премии мира. Ея парламентарии, ея ораторы Жоржъ Лоранъ (умѣренный), Эмиль Вандервельде (соціалистъ) и др. выступали и въ Европѣ, и въ Америкѣ на защиту балканскихъ народовъ, на защиту армянъ и др., поддерживая, а иногда и создавая новыя общеевропейскія гуманитарныя общественныя и народныя движенія, чего пѣмцы въ своемъ активѣ за послѣднія 40—50 лѣтъ не имѣютъ.

Всѣ эти качества и особенности бельгийскаго народа забывались. Но тѣ, кто ихъ зналъ, не были удивлены поведеніемъ культурнаго, свободнаго, физически и морально здороваго бельгийскаго народа, состоящаго изъ двухъ слившихся и достойныхъ другъ друга расъ, валлонцевъ и фламандцевъ.

Насъ не удивляетъ и поведеніе проникшагося духомъ своего народа короля и не оставляющей его и его арміи королевы. И мы вѣримъ и знаемъ, что слова, сказанныя героемъ-королемъ Альбертомъ посѣтившимъ его на-дняхъ генералиссимусу Жоффру и генералу По,—не пустыя, на вѣтеръ сказанныя слова:

— Мы не покинемъ нашей страны до тѣхъ поръ, пока хоть одинъ метръ будетъ на ней оставаться свободнымъ отъ непріятеля, хотя бы на этомъ клочкѣ земли непріятель сосредоточилъ огонь всей своей артиллеріи.

И королю, и его арміи послѣ защиты Льежа, послѣ наводненія въ Малинѣ, послѣ отдачи Антверпена съ тѣмъ, чтобы спасти армію—и, значить, надежду Бельгіи,—послѣ героическаго сопротивленія въ Ипрѣ и на Изерѣ можно вѣрить: Бельгія будетъ принадлежать не Вильгельму II, покрывшему себя вѣчнымъ позоромъ поведеніемъ его полчищъ въ ней, а бельгийскому народу, сумѣвшему всѣмъ—отъ мала до велика—показать рѣдкое въ исторіи человечества величіе красоты, характера и духа.

* * *

Статья моя приходитъ къ концу, и я не успѣлъ указать на исключительные примѣры „бельгийскаго величія“, въ такомъ изобиліи пестрящіе уже въ официальныхъ документахъ, историческихъ обзорахъ, журнальныхъ и газетныхъ страницахъ. Я долженъ ограничиться сказаннымъ и отослать читателей къ повседневной лѣтописи эпической борьбы, происходящей на нашихъ глазахъ.

Но одинъ примѣръ бельгийскаго величія я позволю себѣ однако привести въ этомъ обломѣ словъ о нашей дорогой союзницѣ.

Я имѣю въ виду письмо Мориса Метерлинка, напечатан-

Бельгийская королева и ея дѣти.

ное въ большой парижской газетѣ, взявшей на себя инициативу избранія бельійца Метерлинка во французскую академію. Вотъ письмо Метерлинка:

„Отъ всего сердца спасибо, дорогой собратъ, за любезную и слишкомъ хвалебную статью, которую вы сообразовали мнѣ посвятить.

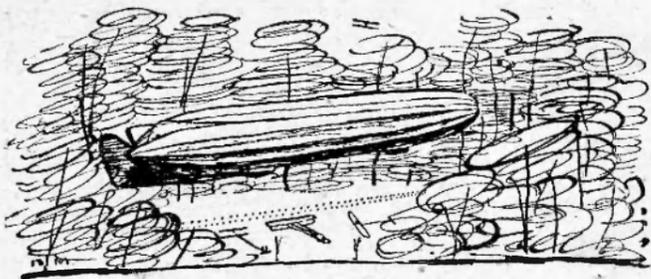
„Академія мнѣ окажетъ великую честь, которая поверхъ склоненной моей головы пойдетъ цѣликомъ моей дорогой, несчастной и славной родиѣ.

„Я не позволю себѣ давать совѣты академіи, но не думаете ли вы, что ея жестъ будетъ болѣе знаменателенъ, если она выберетъ моего стараго друга, Эмиля Верхарна! Во-первыхъ, онъ—старшій; затѣмъ онъ,—великій поэтъ, тогда какъ я—только прилежный и добросовѣстный прозаикъ.

„Всякій, при терпѣніи, можетъ написать то, что я написалъ; никто не смогъ бы сдѣлать то, что онъ сотворилъ. Только поэтъ способенъ достойно представлять то, что есть великаго и героическаго въ народѣ. Морисъ Метерлинка“.

Величіе скромности и писательской честности бельгийскаго писателя достойно завершаетъ всю гамму величія современнаго бельгийскаго народа.

Е. Семеновъ.

П. В. Митуричъ. Дирижабль.

ОДОЛѢНЬЕ.

Стихотворения **Конст. Эрберга.**

1.

МЕЧИ.

Живешь и дышишь,—неси свой крестъ,
Неси безъ жалобъ, неси безъ стона
И не ропщи ты, когда окрестъ
Где такъ уныло, такъ похоронно.
Земля смирилась, смирилась твердь,
По предначертаннымъ орбитамъ
Летятъ планеты, и даже смерть
Косить, послушна велѣньямъ скрытымъ.
Молчить природа,—и ты молчи
И жди спасенья не изъ эфира,
Вѣрь въ человѣка, въ его мечи:
Они разрубятъ злой узелъ мира.

2.

ОБѢЩАНЬЕ.

Въ степь иду. Разсвѣтъ янтарный
Озлатилъ на травахъ слезы;
Вдоль тропы летятъ за мною
Бирюзовыя стрекозы.
Право, глупыя стрекозы,
Вамъ со мной не по дорогѣ:
Путь вашъ къ ближнему болоту,
Мой—наверхъ,—туда, гдѣ боги.
Солнце огненное—братъ мой,
Ваши братья—черви, слизи,
Вы летите къ вѣчной смерти,
Я—къ свободной вѣчной жизни.
Только, бѣдныя стрекозы,
Вамъ печалиться не надо.
Я спасу отъ вѣчной смерти
Все живое, все: огъ гада,
Что ползеть къ землѣ прикинувъ,
И до солнца огневого,
Что летитъ путемъ привычнымъ,—
Все спасу, даю вамъ слово.
Надо только, чтобы люди
Всѣ къ одной летѣли цѣли,
Чтобы всѣ со мною вмѣстѣ
Быть творцами захотѣли.

Правда, милья стрекозы,
Будетъ это все не скоро...
Что же дѣлать: потерпите
И какъ люди, не примите
Вы меня за фантазера.

3.

ВОЗВРАТЪ.

Старый покинуть берегъ!
Сбывается страшный сонъ:
Безъ слезъ, безъ тяжкихъ истерикъ
Я перешелъ Рубиконъ.
Хрипло пропѣли трубы
О томъ, что возврата нѣтъ,
Но, крѣпко стиснувши зубы,
Я затаилъ отвѣтъ.
Сердце, учись терпѣнью,
Молчать научись и ждать,
Трубному злему пѣнью,—
Вѣрь,—не долго звучать.
Старой земли не приемля,
Воскресшей землѣ я радъ.
Въ преображенную землю
Радостень будетъ возвратъ.

4.

ПОСѢВЪ.

Иду кладбищенской тропой
По краю кручи.
Внизу прибой, а надо мной
Стальные тучи.
Угрюмой смерти злой посѣвъ
Взошелъ крестами,
Полить подъ горестный напѣвъ
Тоской—слезами.
Мой духъ! Посѣвъ совсѣмъ иной
Въ тебѣ таится.
Взойдетъ онъ радостью такой,
Что и не снится.
Взойдетъ, рѣшимостью могучъ,
На радость—муку,
И на броню стальную тучъ
Подниметъ руку.
И брызнетъ, и прольется кровь
Моя-ль, моя ли?...
Входи же, Ненависть-Любовь!
Бѣй сталь по стали!
Кроваво-пепельный закатъ
Нахмурилъ брови,
Кресты суровые глядятъ
Еще суровѣй,
На сердцѣ радостный прибой,
На сердцѣ тучи.
Иду кладбищенской тропой
По краю кручи.

П. В. Митуричъ. „Казакъ“.

Л. А. Бруни. „Турки въ походѣ“.

Ночной выстрѣль.

Разсказъ Кармень.

Нояхъ никакъ не могъ понять, отчего такъ сильно трещить у него голова. Оттого ли, что съ вечера онъ жадно напнулся на послѣднюю пачку газетъ изъ Россіи и начался о зѣбрствахъ пруссаковъ, или просто у него вновь объявилась лихорадка. Вѣришь—второе.

Да, да, и всегда такъ съ нимъ. Хватить лишней воды или набьется сабры,—и мѣсяць, а то и два глотаетъ хининъ, пьетъ карлсбадскую соль и, бросивъ съ трудомъ выпрошенную работу на виноградникѣ или постройкѣ, слоняется вялый, обезсиленный по колоніи...

„Фу-у, какъ ломитъ въ вискахъ и дрожать и подкашиваются ноги. Забраться, что ли, въ шалашъ и растянуться на циновкѣ. Хо-орошо! Но только попробуй. Тотчасъ же стаей напрутъ шакалы и дочиста обработаютъ виноградъ; насилу шельмы дождались сбора винограда. Приползетъ и вороватый феллахъ; небось бродитъ тутъ гдѣ-то, хоронясь въ сабрѣ. Вчера Иссеръ накрылъ одного съ двумя кошелями бордо и алликанта“.

Нояхъ подтянулся, какъ могъ, сжалъ покрѣпче ослабѣвшей рукой ружье, вскинулъ его на плечи и сталъ спускаться въ ложбину по скату виноградника.

Кругомъ былъ мракъ. Надъ невидимыми виноградниками и Саронской долиной низко залегла беззвѣздная августовская ночь, и сбоку лишь, за едва бѣлѣющей полоской донъ, кровавымъ рубцомъ алѣлъ тонкій ободокъ полумѣсяца и двумя зелеными точками лучились огни въ дальнихъ шалашахъ Иссера и Шолома—такихъ же, какъ и онъ, сторожей.

Нояхъ спускался медленно, стараясь обходить пышные, широко разбросавшіяся по землѣ кусты винограда, но нога то и дѣло наступала на тяжелыя, сочныя гроздья. Онъ словно пробирался въ сильную качку по палубѣ судна, и его мутило, а въ глазахъ неуставно рябилъ кровавый рубецъ полумѣсяца, раскачиваясь въ темной вышинѣ, мѣрно, взадъ и впередъ, какъ на качеляхъ, и лукаво подмигивая ему.

— Тран... траа... скрип...—пролепеталъ онъ и глупо ухмыльнулся.

Нояхъ разъ десять обошелъ вокругъ своего участка—невысокаго холмика, пошатываясь и вглядываясь во тьму. Большой и крайне чувствительный мозгъ его тѣмъ временемъ ни на секунду не прекращалъ своей изнуряющей работы: Нояхъ, самъ не замѣчая того, тихо спорилъ съ кѣмъ-то, роняя странныя, не существующія ни въ какомъ лексиконѣ слова.

Часто среди всей этой мѣшанины накинью всплывали то черная остроконечная каска и тупое, красное лицо, то высокій саногъ, наступившій на чью-то хрупкую грудь, то

куча дымящихся разваливъ съ трогательно проглядывающими клумбами, фонтанами и бѣлыми поверженными портиками.

„Нѣтъ! совсѣмъ-совсѣмъ развинтился онъ. Съ какой радостью завтра, сдавъ свой постъ Авашаллому, онъ останется въ колоніи. А пока одну облатку хинина. Кажется, завязалась въ правомъ карманѣ“.

Нояхъ сталъ шарить, но никакъ не могъ попасть въ нужный карманъ.

„Позвать, что ли, Иссера“.

Онъ поднесъ свистокъ ко рту, но былъ такъ слабъ, что не могъ свистнуть.

Нояхъ махнулъ рукой—обойдется.

„Да и гдѣ сейчасъ этотъ соня-Иссеръ. Огонекъ у него потухъ. Залѣзь въ шалашъ и хравить, а не то понель на керемъ къ Шолому, и оба, пощипывая съ куста, тихо бесѣдуютъ о политикѣ“.

Нояхъ приложилъ холодное дуло ружья ко лбу. На нѣкоторое время удалось заглушить работу мозга. Но только отвелъ онъ дуло, какъ началась та же изнуряющая работа.

Нояхъ остановился вдругъ и напряженно сталъ всматриваться.

Надъ Саронской долиной колыхался сѣрый дымокъ. Онъ все росъ и скорѣе выросъ въ большое свѣтло-сѣрое облако. Что-то съ шипѣніемъ взмыло высоко къ темному небу и, онисавъ блестящую дугу, разсыпалось золотымъ дождемъ.

Нояхъ, вѣшпившись крѣпко обѣими руками въ ружье, не сводилъ глазъ съ облака.

Нѣсколько минутъ держалось оно. Но вотъ облако раздалось и блеснула знакомая остроконечная каска, за нею—другая. Выглянула и оскаленная, туго затянутая поводомъ, лошадиная морда.

Передняя каска, занесши высоко блестящій палашъ, повернулась, и Нояхъ разслышалъ команду:

— Forwards—впередъ!

Сзади точно заходили волны, облако раздалось шире, и выплыли тысячи касокъ и лошадиныхъ мордъ.

„Пруссаки,—мелькнуло въ головѣ Нояха.—Высадили десантъ, чтобы вмѣстѣ съ турками двинуться въ Египетъ. Вонъ промежъ касокъ золотые платки и алые тарбуши аскеровъ и зеленое знамя пророка“.

— Чепуха,—попытался онъ успокоить себя, но ужасъ, сковавшій мозгъ, не покидалъ его, и воображеніе, взвинченное прочитанными газетами, работало съ удвоенной силой.

Вотъ уже толпы пѣхоты и конницы залили всю Саронскую долину и качаются надъ ними знамена, пики и горящія факелы, бросая кровавые отблески на кирасы и каски. Возвышаясь горой, движутся страшныя гаубицы, блиндированные автомобили, платформы съ понтонами. А сзади наплаваютъ все новыя и новыя колонны, и дрожитъ земля отъ

П. В. Митуричъ.

П. В. Митуричъ. „Почтовые голуби“.

гула колесъ, копытъ и лязга и звона оружія. Ясно можно слышать и нѣмецкую рѣчь, и отдѣльные голоса, и раскатыстый смѣхъ. Лица солдатъ при свѣтѣ факеловъ красныя, жесткія, и кажется, будто встали изъ могилъ древніе римляне и идутъ вторично на Іерусалимъ.

„А это что за зарево? Ужъ не горитъ ли Яффа? Неужели и прекрасный Тель-Авивъ въ пламени?“

„Проклятіе! Они идутъ прямо на колонію“.

Нояхъ въ отчаяніи заметался.

„Надо немедленно дать знать въ колонію. Гдѣ Шоломъ, Иссеръ?“

Онъ хватился за свистокъ, висѣвшій на шнурѣ, но, какъ и въ тотъ разъ, не въ силахъ былъ извлечь изъ него ни звука.

„Бѣжать, что ли, самому и ударить въ колоколъ? Но успеетъ ли онъ? Какъ оставить керемъ? Спать, спать и ничего не подозреваютъ. А, можетъ быть, въ колоніи уже замѣтили зарево? Гонцовъ! Скорѣе гонцовъ въ Ришонъ, Экронъ, Катру, Кастинію! Отрядить и въ Галлилею, Іерусалимъ, Хевронъ, Іерихонъ! Всѣхъ-всѣхъ поставить на ноги и вооружить, и окопаться! Непременно окопаться! И какъ до сихъ поръ не догадались на всякій случай приготовить окоповъ! Можно было бы танкомъ отъ хайяловъ. Колонисты такъ безпечны, они съ головой ушли въ сборъ винограда.“

„Боже, все ближе и ближе пруссаки! Они не пощадятъ ихъ! Если понадобится для стратегическихъ цѣлей, они не задумываясь сметутъ колонію. Погибнутъ всѣ нѣжныя насажденія, дома и съ ними великая мечта возрожденія, питающая во всѣхъ концахъ земного шара миллионы еврейскихъ сердецъ. Даромъ пропадутъ труды биллунцевъ—первыхъ пионеровъ, клавшихъ съ вѣрой и молитвой каждый камушекъ и орошавшихъ землю потомъ и кровью.“

„Кто остановить ихъ? Кто дастъ имъ отпоръ? Никто-никто не встанетъ на защиту еврейства! А въ колоніи тотъ же мракъ и тишина“.

Нояхъ отчаяннѣе заметался по винограднику.

„Если бы можно было опрокинуть на нихъ Іуденскія горы? Одинъ, одинъ!“

Нояхъ совсѣмъ уже близко видѣлъ храпящихъ и фыркающихъ лошадей и сверкающихъ на нихъ уздечки. На одной сидѣлъ толстый рябой полковникъ въ плащѣ и съ жесткими льняными усами, поднятыми вверхъ.

— Herr Lieutenant!—обратился онъ къ длинному худощавому офицеру-сосѣду, сидѣвшему тоже на лошади рядомъ, и указавъ рукой, затаенной въ бѣлую перчатку, на отдаленную колонію.

Тотъ кивнулъ головой и отдалъ какое-то распоряженіе. И нѣсколько солдатъ выкатили предъ фронтомъ орудіе, подлѣ котораго сталъ наводчикъ, рыжий, мордастый парень въ короткомъ защитнаго цвѣта кителѣ и безкозыркѣ.

Нояхъ затрясся. Но въ ту же минуту слабость покинула его. Онъ почувствовалъ себя стражемъ не этого крохотнаго еврейскаго виноградника, а великой еврейской мечты, великой идеи возрожденія всего народа.

Сразу будто сталью налились вялые мускулы и съ возгласомъ Самсона: „Дай мнѣ силу и мощь еще и на этотъ разъ!“, онъ ринулся отважно впередъ съ ружьемъ навстрѣчу полчищамъ.

Онъ нацѣлился въ мордастаго наводчика, и грянулъ выстрѣлъ, и громомъ прокатился по долинѣ.

Нояхъ замахнулся на него, прикладомъ, но, не устоявъ на ногахъ, повалился на землю.

Вставало утро, когда Нояхъ открылъ глаза. Онъ лежалъ среди виноградника, на смятыхъ и влажныхъ отъ свѣжей росы лозахъ, желтый, измученный. Сбоку лежало ружье, а въ ногахъ стояли двое какихъ-то мужчинъ, въ которыхъ съ трудомъ, сильно напрягая изболѣвшійся мозгъ, онъ узналъ Иссера и Шолома. Они тихо переговаривались:

— Какъ же быть съ нимъ? Оставить его такъ нельзя, а въ колонію безъ телѣжки какъ отправить.

— Подождемъ, придутъ хлопцы и помогутъ. А пока перенесемъ его въ палашъ. Дуракъ! Говорилъ ему вчера: „Не жри этой самой сабры, сляжешь“. Ну-ка, хойле! Пошевеливайся!

Кармень.

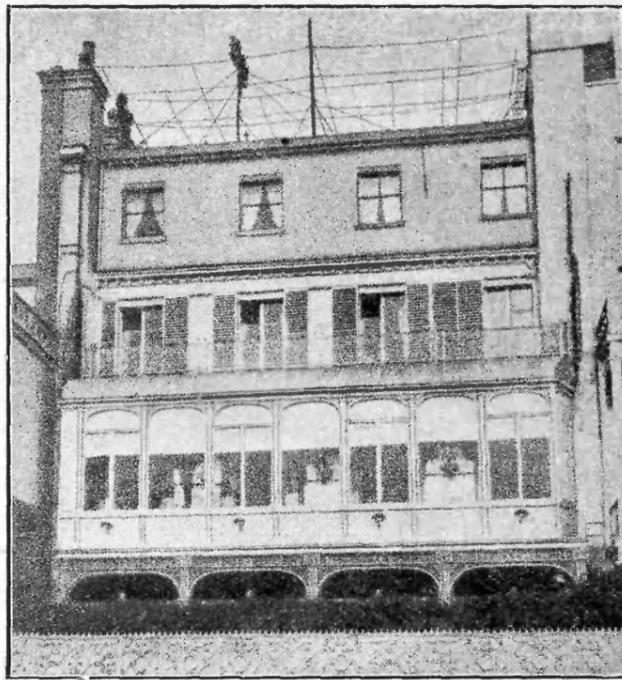
ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ.

Статья профес. М. Курчинскаго.

Еще въ первой трети XIX столѣтія экономистъ Тюненъ написалъ книгу „Изолированное государство“. Въ этой книгѣ, для удобства опредѣленныхъ экономическихъ построений и выводовъ, авторъ представлялъ себѣ совершенно изолированное государство, отрѣзанное отъ сообщенія съ вѣншимъ міромъ, живущее своей внутренней экономической жизнью. При такомъ построении было особенно удобно дѣлать тѣ или иные выводы, не затеняемые сложнымъ процессомъ международныхъ торговыхъ отношеній и расчетовъ. Но такое государство при развитой системѣ той сложной сѣти отношеній, которую мы называемъ мировымъ хозяйствомъ, можно было представить себѣ только чисто искусственно, только ввидѣ известной абстракціи, гипотезы, допустимой лишь по опредѣленнымъ методологическимъ основаніямъ.

Теперь то, что Тюнену приходилось искусственно конструировать, въ значительной степени успѣло сдѣлаться самой реальной дѣйствительностью. Германия вмѣстѣ съ Австро-Венгріей, если и не изолированы окончательно въ своихъ экономическихъ отношеніяхъ въ области международной торговли, то все же значительно стѣснены въ этой сферѣ. Оттенное кольцо вокругъ Германии, какъ это уже отмѣчалось въ текущей прессѣ, еще не замкнулось. Международныя торговля ея отношенія существенно потрясены, но не нарушены окончательно. Черезъ нейтральныя страны Германия и Австро-Венгрія могутъ еще сноситея съ вѣншимъ міромъ, хотя конечно такимъ путемъ при соответственнo сложившихся обстоятельствахъ можно получить далеко не все необходимое и, главное, далеко не въ желательныхъ количествахъ.

Еще болѣе подходитъ къ той картинѣ, которая рисовалась передъ мысленнымъ взоромъ Тюнена, положеніе нашего

Въ защиту отъ цеппелиновъ: домъ А. Ротшильда въ Майферѣ со стальной сѣткой надъ крышей.

отечества. Россія волею судебъ стала въ настоящее время почти самодовлѣющимъ государствомъ. Вѣншній ея товарообмѣнъ почти совершенно прекратился. Съ началомъ военныхъ дѣйствій со стороны Турціи окончательно закрылся выходъ изъ Чернаго моря, почти прекращенный, положимъ, уже и раньше провокаторской политикой нашей южной сосѣдки. Выходъ черезъ Бѣлое море закрывается по чисто естественнымъ причинамъ съ надвигающейся зимой и въ концѣ концовъ у насъ скоро останется только одинъ пунктъ соприкосновенія съ вѣншимъ міромъ, если не считать пути черезъ Швецію, интересный съ коммерческой точки зрѣнія: связь съ Тихимъ океаномъ черезъ Владивостокъ. Но конечно особо большого торговаго значенія, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, этотъ путь имѣть не можетъ.

Такая изолированность для нашего отечества представляетъ конечно гораздо меньше опасностей, чѣмъ для ряда другихъ странъ, въ значительно большей степени связанныхъ съ интересами вѣншей торговли. Важнѣйшіе для жизни народонаселенія продукты питания мы не ввозимъ, а вывозимъ, и слѣдовательно не можемъ терпѣть въ нихъ недостатка. Внутренній нашъ рынокъ представляетъ громадную емкость и конечно гораздо важнѣе для насъ, чѣмъ вѣншній. При громадныхъ пространствахъ России, разнообразіи ея климатовъ мы можемъ производить почти все для насъ необходимое. Въ отношеніи сырья мы являемся почти обезпеченными, и если и будемъ терпѣть кое въ чемъ нѣкоторыя стѣсненія, какъ на примѣръ въ отношеніи хлѣба, то все же въ значительно меньшей степени, чѣмъ наши противники, ибо мы сами являемся производителями большей части нужнаго для насъ запаса. Въ отношеніи нѣкоторыхъ продуктовъ обрабатывающей промышленности положеніе наше будетъ нѣсколько хуже. Тутъ конечно могутъ обнаружиться известныя нехватки, но значительная часть нашей потребности и въ этихъ продуктахъ можетъ быть удовлетворена туземною промышленностью. Отечество наше, благодаря этимъ условіямъ, станетъ приближаться къ тому идеалу, который нѣкоторые рисовали себѣ для болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго, когда ис-

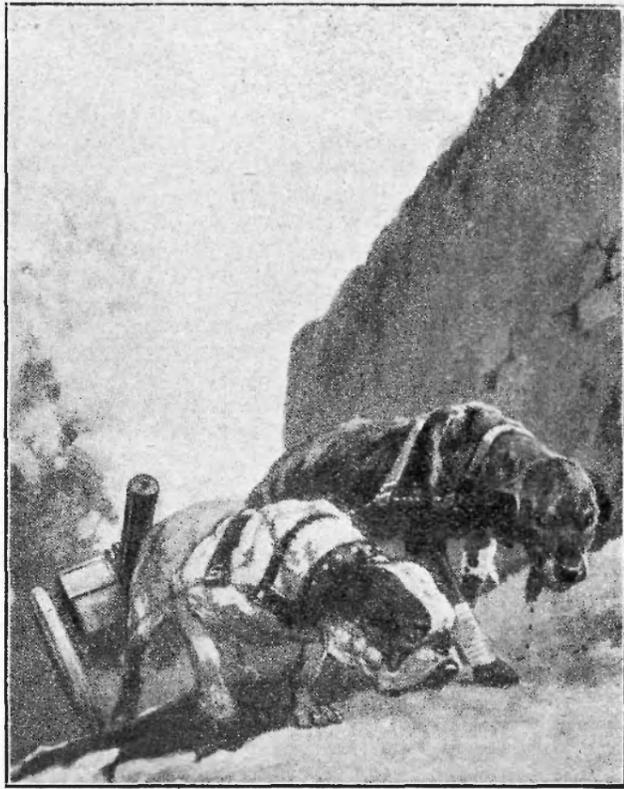

Домъ въ Антверпенѣ, вскрытый нѣмецкимъ снарядомъ.

пользовавшая все свои скрытые возможности, разбудившая дремлющую силу России стала бы сама удовлетворять все свои потребности, производить все для себя необходимое. Таким образом война с этой стороны не представляет для нас особо больших опасностей. В известном отношении она даже представляет для нас некоторый плюс: сократив нашу внешнюю торговлю до последней крайности, она создает особо благоприятные условия для развития ряда отраслей нашей промышленности, процветание которых представляет большой интерес как для народного, так и для государственного хозяйства. При обширных размерах нашей страны, при громадном спросе внутреннего рынка немало отраслей нашей промышленности не только не несут сейчас ущерба, но, может быть, даже несколько выигрывают от полного отсутствия иностранной конкуренции. Немало предприятий конечно переживают наряду с этим очень тяжелое положение, но в общем промышленность чувствует себя далеко не так плохо.

Чувствуется изолированность нашего рынка и в другом отношении: в деле развития наших кредитных операций. На первое время войны по крайней мере использование внешнего кредита для нас представляется почти невозможным. Между тем очевидно, что для ведения военных операций нам в довольно широкой степени придется привлечь на помощь кредит. В настоящее время уже размеры этих кредитных операций определяются предположительно в сумме до 2.500 миллионов. Сколько в действительности денег понадобится сейчас, конечно трудно сказать. Но одно можно утверждать, что для этой цели нам придется основательно использовать наш внутренний денежный рынок. Прибегать к нему нужно будет в известной последовательности, не предъявляя сразу чрезмерных требований, чтобы дать возможность каждому отдельному займу больше или меньше прочно распределиться в каналах народного хозяйства. В этой области тоже, может быть, до войны трудно было предполагать возможность таких крупных операций на внутреннем рынке. Но изолированность, создавшаяся и тут, выдвинула совершенно новые перспективы. К кредитным операциям в довольно широком масштабе уже приступлено; были разрешены учет краткосрочных обязательств на 800 миллионов рублей, выпущены четырехпроцентные билеты государственного казначейства на 300 миллионов и наконец на этих днях состоялась подписка на пятипроцентный долгосрочный внутренний заем на 500 миллионов рублей нарицательных. Все это дает уже внушительную сумму в 1.600 миллионов рублей, размещаемых на внутреннем рынке. Кроме же этого министру финансов еще особо разрешено учесть краткосрочные обязательства гос. казначейства на английском денежном рынке, на сумму в 12 миллионов фунтов стерлингов. За этими первыми кредитными операциями последуют очевидно другие, и это открывает нам очень интересные точки зрения на условия русского денежного рынка в связи с исключительностью переживаемых событий.

Та же исключительность дѣлает для нас возможным такие налоговые проекты, которые представлялись бы совершенно неосуществимыми в мирное время. Нам уже приходилось говорить (см. № 1 и 2 „Голоса Жизни“) о проекте единовременного военного имущественно-подходного налога. Такого рода налог был уже введен в Германии предъ войной. Некоторые и возражают, что подобное усиленное использование платежных сил населения возможно именно в мирное время и совершенно неприменимо во время войны, когда промышленная и экономическая жизнь и так уже потрясена. Но мы думаем наоборот,

Боевые товарищи: бельгийский пес и английский бульдог везут английскую легкую артиллерию.

что именно в пору военной непогоды, когда напряжены все силы населения, когда наблюдается особый моральный подъем, когда все чувствуют особенно остро свою связь с родиной и долг предъ нею, возможны чрезвычайные успехи и в налоговом отношении. Они во всяком случае представляют со многих точек зрения ряд преимуществ предъ той налоговой программой, которую выдвигает министерство финансов и которая, являясь лишь пестрыми заплатами нашей прежней системы, тем не менее все же грозит экономической жизни немалыми потрясениями.

Очень характерно в этом отношении то, что на такую же точку зрения становится и наша объединенная промышленность. В газетах уже сообщалось, что на состоявшемся 17-го октября очередном заседании комитета совета съездов представителей промышленности и торговли было заслушано сообщение о проекте временного подоходно-имущественного налога. Согласно проекту, новый налог должен быть лично доходным, прогрессивным. По приблизительному подсчету, он может дать казне до миллиарда рублей. Проект комитетом одобрен, и постановлено разработать его детально. Представители крупной промышленности и торговли обнаруживают в этом пункт понимание переживаемого момента.

Исключительное время требует и исключительных мер. Мы еще рассчитываем как нибудь остановиться на самой организации проектируемого налога, пока же ограничиваемся только указанием на это крайне симптоматическое выступление комитета совета съездов. Исключительное положение, которое мы сейчас переживаем, предъявляет исключительные требования и к русской промышленности, и к русскому денежному рынку, и к налогоплательщикам, т. е. всему населению страны. Предъ нами зато стоят и задачи исключительной важности.

М. Курчинский.

Письма съ войны.

В. Сергѣевъ.

Это письмо къ вамъ вѣрно придетъ поздно, потому что ушли мы далеко впередъ, и полевая почта еще не скоро наладитъ свои станции. Моя батарея теперь выдѣлена въ составъ авангарда, а на обязанности его лежитъ движеніе впередъ черезъ перевалы Карпатъ въ Венгрію.

Вчера ночью я впервые услышалъ мечты нашихъ солдатъ о дальнемъ Закарпатѣ. Было уже около полуночи, когда я, выйдя изъ палатки, услышалъ сдержанный говоръ. Я прислушался. Ухо уловило знакомые голоса, которые непрестанно теперь обсуждаютъ условія и причины, а главное—возможные результаты этой войны, прогремѣвшемъ народу, какъ громъ изъ яснаго неба.

Разговоръ шелъ о венгерскихъ земляхъ, и нашъ начетчикъ, фейерверкеръ К—шевъ, служившій до войны конторщикомъ на одной изъ южныхъ станцій, обстоятельно и подробно говорилъ о богатствахъ венгерской Пушты:

— Земля у нихъ отличная, пшеница родится не хуже, чѣмъ у насъ въ Черноморѣ, а по Токаю и Тиссѣ—сплошной виноградъ, изъ котораго вино чудеснѣйшее гонять. И лошадей тоже много у нихъ; лошадь венгры любятъ и умѣютъ ее поимать.

— А что же, Степанъ Матвѣичъ, съ этой землей поспѣдокъ будетъ?—говоритъ Мальшенокъ, корявый маленький канониръ, котораго въ батарее почему-то зовутъ сучкомъ.

— Ну, что будетъ, этого мы не знаемъ; вѣрно и нашему брату вымежутъ изъ ихнихъ-то богатствъ, чтобы не зря, значить, кровь лили.

И кругомъ пошло бодрое гудѣнье, смѣшанный шумъ тихихъ голосовъ, одобрительно зовущихъ въ это невѣдомое будущее, растущее на ихъ жертвахъ и крови. Да, вамъ надо быть готовыми къ тому, чтобы „вымежевать“ этимъ думающимъ и ждущимъ людямъ необходимую имъ, какъ воздухъ, новую жизнь, хоть и не изъ богатствъ венгерской Пушты.

Наутро—движеніе впередъ съ пяти часовъ, навстрѣчу бѣлымъ съ вершинами и зеленымъ въ срединѣ горамъ, плавающимъ, какъ необъятные корабли, въ волнахъ утренняго тумана.

Мы шли со своимъ отрядомъ все въ гору вотъ уже пятый день, а Карпаты все будто не приближались къ намъ ни на одну сажень. И сейчасъ ихъ огромныя массы тинутся изломанной, причудливой стѣной, созданной изъ выступовъ, изъ чудовищныхъ подпорокъ, закругленій и амфитеатровъ, продѣланныхъ безмѣрнымъ радусомъ, тяжкихъ вздутій и летящихъ каменныхъ кололѣвъ, какъ стрѣлы торчащихъ въ небѣ.

То опускаясь до самыхъ бровей въ бѣлесоватая воды тумана и совсѣмъ уничтожаясь въ его молочныхъ глубинахъ, то вдругъ подымаясь въ безмѣрную высь и вырастая безъ грани въ ширину и безъ конца въ длину, Карпаты маянятъ насъ къ себѣ, подобно вѣчной загадкѣ, сказкѣ въ действительности, сну въ яви.

И, словно для того, чтобы оставить насъ подъ однимъ навѣтомъ святой природы, нашъ врагъ, который въ своемъ бѣгствѣ успѣвалъ всѣ дороги Галиции трупамъ женщинъ и дѣтей, скрываясь отъ насъ и словно въ воду кануль. Въ послѣдніе пять дней мы не видѣли ни одного венгерскаго кавалериста, не замѣчали ни одной темной черточки австрійскихъ походныхъ колоннъ,—всѣ они попрятались и скрылись за надежными лабиринтами древнихъ, какъ жизнь, Карпатъ. Только мать-природа стояла предъ нами, вѣтлѣвая и спокойная, невозмутимо глядящая на насъ, безнокойныхъ и думающихъ, изъ своего недвижимаго, не посѣщаемаго ни мыслью, ни желаніемъ покоя.

Глядя на величаво-спокойно поджидающее насъ Карпаты, я понималъ, почему Тургеневъ прозрѣвалъ природу въ видѣ

женщины съ „темнымъ грознымъ взглядомъ и голосомъ жесткимъ, какъ лязгъ желѣза“. Добро, справедливость и разумъ для нея не существуютъ; она насъ приглашаетъ защищаться, какъ можемъ и какъ умѣемъ, а сама стоитъ вотъ сейчасъ предъ нами въ цѣпяхъ этихъ горъ и, неотразимо прекрасная и жутко волнующая, повторяетъ слова поэта: „Защищайся, если можешь“. Однако мы не всегда можемъ защищаться. Вчера

Жена мнимоубитаго. (См. замѣтку въ этомъ номерѣ.)

однимъ изъ насъ попалъ подъ ея „темный грозный взглядъ“ и ушелъ въ великое ничто.

Уносный Коломягинъ, тихій, кроткій орловецъ Малоархангельскаго уѣзда, по обычаю ѣхалъ съ переднимъ орудіемъ, которое особенно тяжело шло на крутомъ поворотѣ. Паденіе ската было огромное; трона, а не дорога, узкая, не шире сажени, а прямо внизъ сажени на десять летѣлъ обрывъ, упирающийся въ мелкую горную рѣку.

Нѣхотные и прислуга изъ всѣхъ силъ толкали пушку, веревочныя и кожаныя лямки напряженно вѣзались въ плечи и груди насаживающихся людей; лошади подъ крикомъ осипшихъ глотокъ и свистомъ кнутовъ ползли на брюхахъ, упираясь изъ послѣднихъ силъ въ скользкій каменный грунтъ.

Коломягинъ усердствовалъ, какъ могъ, и, весь мокрый отъ пота, осипшій отъ крика, словно „кобель на заборѣ“, по выраженію солдатъ, илясалъ на синикѣ рыжаго мерина.

Вдругъ на самомъ поворотѣ большущая здоровая лошадь скользя задними ногами по острымъ сланцамъ и смаха упала набокъ. Коломягинъ, какъ мячикъ, легко отдѣлился отъ сѣдла и, словно камень, безъ крика, безъ стопа, полетѣлъ съ десятисаженнаго обрыва.

Говорить ли вамъ, какъ мы всѣ бросились внизъ по обходнымъ боковымъ тропамъ, какъ катились кубаремъ, не разбирая дороги и не жалѣя себя, какъ всѣ вопли, зовя фельдшера съ его несчастной медицинскою сумкой? Когда я докатился до Коломягина, онъ еще дышалъ и, лежа на правомъ боку, глядѣлъ на меня уже тускнѣющими отъ смертной муки глазами.

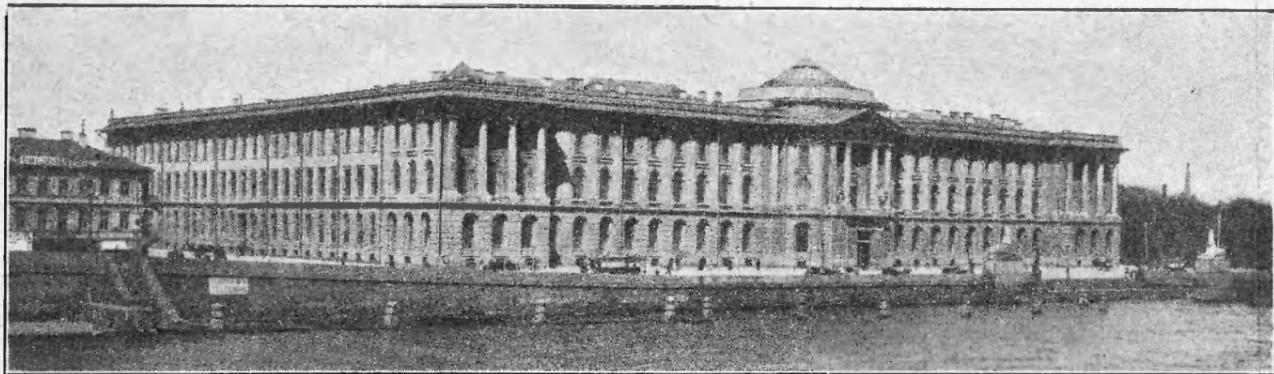
И, бережно, какъ могъ, тронулъ солдата, стараясь уяснить степень поврежденія. Онъ только слабо застоналъ, по-дѣтски вытнулъ губы, словно просилъ поцѣлуя. Въ груди что-то глубоко kloкотало и всхлипывало, на губахъ змѣлилась тонкая полоска алой крови. Онъ что-то силился сказать и не могъ, и досадовалъ на себя за свою слабость и неумѣнье.

Мы стояли и ждали. Вдругъ Коломягинъ какъ-то весь дрогнулъ, по-зачьи дернулъ ногами и сразу недвижно остекленѣлъ.

— Кончился,—загудѣла батарея.

Да, этотъ кончился. На него упалъ грозный взглядъ природы: „защищайся, если можешь“. Этотъ не могъ защищаться!

В. Сергѣевъ.

Академія Художествъ въ Петроградѣ. (Къ 150-лѣтію со дня ея учрежденія.)

Королю Альберту.

Страна въ огнѣ, въ ней смерть и разру-
шеніе,
Сомкнулось тѣсно вражее кольцо,
Но смотритъ гордо вдаль, безъ страха и
смущенія,
Прекрасное и скорбное лицо.

Въ глазахъ печаль, но губы плотно
сжаты,

Въ нихъ мощь души, энергія борца,
То—ликъ Альберта, короля-солдата,
Бельгійскаго героя-храбреца.

И тихо я шепчу слова молитвы,
Одно желанье въ сердцѣ загая:
Да сохранитъ Господь на полѣ битвы
Для Бельгій героя-короля!

И знаю я,—могучи духа силы,
И вѣрю я,—недаромъ льется кровь:
Твоя страна восприметъ изъ могилы
И твой народъ свободнымъ станетъ
вновь!

Марія Брусеннина.

Объ искусствахъ и литературѣ.

Вѣсти и мнѣнія.

Живопись.

Любопытная выставка открыта въ настоящее время въ залахъ Бурцева—«выставка картинъ и рисунковъ изъ русскаго народнаго быта». На ней виситъ много безграмотныхъ вещей. Не умѣютъ рисовать гг. Альбрехтъ, Горенбургъ, Никоновъ, Третьяковъ, Ткаченко и Шавринъ, претендующіи быть живописцемъ русскаго міра. Невыносимо грубо и глупо Злотниковъ. Но есть на выставкѣ интересныя вещи. Отмѣтимъ Сергѣя Власова, «Лодки на Волгѣ» и «Бѣлая ночь» котораго заняты своимъ самостоятельнымъ подходомъ къ темѣ. Хороша «Дѣвушка въ праздничномъ нарядѣ» Е. Киселевой. Милъ этюдъ Сергѣева къ его выпускной картинѣ «На Волгѣ». Найдутся и еще недурныя вещи. Но центръ выставки не въ современныхъ художникахъ, а въ старикахъ. Настоятельно рекомендуемъ хранителямъ музеевъ не прозѣвать коллекци Саламаткина. Его «Спрыски», «Сцена у пирожника», «Важныя особы», да и многія другія картины—музейныя вещи. А между тѣмъ ни на одной еще нѣтъ надписи «продано». Хороши также рисунки Максимова изъ народнаго быта и неизвѣстныхъ художниковъ. Съ горечью видишь, насколько честище и обстоятельнѣе относились къ своему дѣлу эти безымянные старые худож-

ники чѣмъ вышепоименованные господа, не желающіе думать о рисункѣ.

Выставка почти не посѣщается, и это очень жаль. Нѣкоторые залы ея даже не освѣщены.

Комитетъ общества «Миръ искусства» единогласно постановилъ, что война не служитъ препятствіемъ къ устройству годичной выставки общества въ Петроградѣ, каковая выставка и состоится въ текущемъ сезонѣ.

Журналы.

Новые журналы растутъ какъ грибы. Въ одномъ изъ нихъ никому невѣдомый неграмотникъ скулилъ на оборотѣ обложки: «Мы думали, что мы гораздо хуже». Тамъ же теософъ, скрывшійся подъ инициалами Л. А., сообщаетъ слѣдующія откровенія о войнѣ: «Начатая людьми, она продолжается богами. Драматическій элементъ крови и страданий личности едва видимъ въ озареніи планетарныхъ задачъ». Какая гадалка наговорила г. Л. А. этихъ глупостей? Отчего не помѣщенъ ея портретъ и адресъ? Тотъ же г. Л. А. думаетъ, какъ видно изъ дальнѣйшихъ его откровеній, что Исламъ—страна («со вступленіемъ въ войну Японии и Ислама»). Господинъ Л. А. заблуждается. Исламъ—религія, а не страна.

Страшно читать, что пишется въ уличныхъ журналахъ сорвавшимся съ цѣпи римами. Кой какая рима, на грошъ шовинизма и стихотвореніе готово. Напр. фраза «Воитель въ дерзости слѣпой нарушилъ мирность (?) и покой» разбивается на четыре стиха. Это у А. Рославлева. Не отстаютъ отъ него Дмитрий Цензоръ. Въ стихотвореніи «Письмо съ войны» какой-то позидимому мастеровой выражается языкомъ Вячеслава Иванова («А теперь иные хоры...»). Особенно уморителенъ конецъ стиховъ:

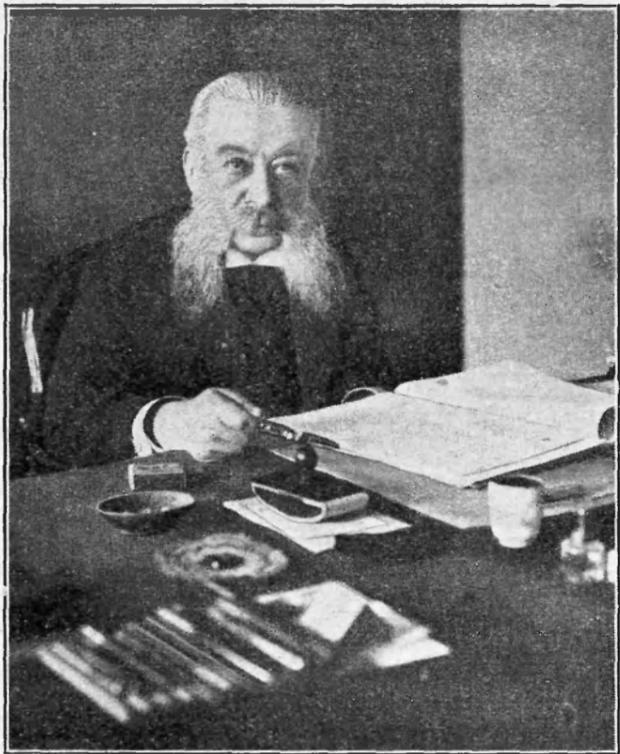
«Умеръ добрый ихъ вояка
Не отъ почекъ, не отъ рака,—
Смертью честнаго бойца!»

Вотъ до чего рима довести можетъ!

Архитектура.

Закончена реставрація прекраснаго Чернышева моста, построеннаго въ восьмидесятыхъ годахъ XIX в. французомъ Перронэ. Имъ были построены всѣ тогдашніе мосты на Фонтанкѣ (Симеоновскій, Аничковъ, Чернышевъ, Семеновскій, Обуховскій, Измайловскій и Калининъ). Кромѣ реставрированнаго Чернышева уцѣлѣлъ изъ нихъ еще только Калининъ. Реставрація удалась хорошо, но, какъ всѣ реставраціи, имѣетъ нѣсколько мертвенный видъ. Исчезли мягкость линий и глубокий, темно-сѣрый тонъ стараго камня. Все же хорошо, что не дали погибнуть этому памятнику и не обезобразили архитектурнаго пейзажа, какъ случилось это съ мостомъ, сооруженнымъ на мѣстѣ стараго Цѣпнаго.

Необычайное архитектурное украшеніе уже давно стоитъ въ старинномъ центрѣ нашего города, на Троицкой площади. Это—съ большимъ наклономъ, сильнѣе, чѣмъ у знаменитой Падающей Башни въ Пизѣ,—водруженный трамвайный столбъ. Все, что онъ дѣлаетъ, это—собирается падать. Можетъ быть, упадетъ, а можетъ быть—нѣтъ. Если вспомнить, что фономъ ему служатъ обгорѣлыя развалины Троицкаго собора, то архитектурный пейзажъ этого историческаго уголка Петрограда будетъ начерченъ во всей своей красѣ.

Председатель совета министров И. Л. Горемыкинъ. (Къ 75-лѣттю со дня рождения).

ПО ТУ СТОРОНУ ВОЙНЫ!

Люди и вещи.

Статья **Влад. Азова.**

Самые счастливые люди на свѣтѣ—это коллекционеры. Утѣхи любви становятся въ извѣстномъ возрастѣ недоступными, утѣхи спорта—еще раньше. Но любви къ вещамъ дѣйствительно покорны все возрасты. Это—страсть, но страсть спокойная и ровная, горячая ровнымъ свѣтомъ лампы. Это—единственная страсть, которая въ итогѣ даетъ больше наслажденія, чѣмъ страданій. Поэтому пальцы мудрецовъ любятъ ласкать вещи. Вещь не измѣнится и сама не измѣнится къ ней. Я думаю, римскій сенаторъ Семпронадекаго—у него такое умное лицо—выберетъ въ концѣ концовъ не женщину, а вазу.

И я говорю о коллекционерахъ курьезовъ и раритетовъ, готовыхъ, по выраженію одного французскаго писателя, весь міръ, всю вселенную заключить въ свои застекленныя витрины. Это—чудаки и маниаки, „извращенцы“ коллекционерства. Я говорю о благородной страсти къ objets d'art'амъ. Замѣйте, эти коллекционы,—какъ ручьи въ конечномъ счетѣ въ океанъ,—въ большинствѣ случаевъ вливаются въ концѣ концовъ въ музеи общаго пользовація или сами превращаются въ такіе музеи.

Въ вещахъ отошедшаго въ прошлое быта кроется неизлечимое очарованіе, очарованіе неповторяемости. Все мило, что прошло, что подернуто флеромъ смерти. Сначала презрѣннымъ и ненавистнымъ кажется только что преодоленное прошлое, какъ напримѣръ черной, безъ малѣйшаго просвѣта, казалась николаевская эпоха людямъ эпохи великихъ реформъ.

Но вотъ проходятъ годы, мы идемъ, все поднимаясь—excelsior! excelsior!—и останавливаемся передохнуть, и оглядываемся съ высоты назадъ, въ долину, изъ которой мы вышли. И прошлое возникаетъ предъ нами въ новомъ объективномъ свѣтѣ, въ интимномъ своемъ быту, въ злости палицаго дня, въ мягкихъ сумеркахъ заката. Мы видимъ прекрасныхъ мечтательныхъ женщинъ въ нарядахъ и прическахъ своеобразной красоты, мы видимъ красоту спокойнаго, изящнаго быта, видимъ, что конюшни, въ которыхъ истязали, закрывали намъ видъ на библиотеки, въ которыхъ читали и мечтали. Мы съ грустью склоняемся надъ этимъ прошлымъ и, торжествуя побѣду надъ его политическими формами, начинаемъ бережно подбирать его интимные осколки. Это не значить, что мы миримся съ темными сторонами прешлага или желаемъ его реставраціи. Это значить только, что мы поднялись на высокую гору и видимъ съ высоты презрѣть, которую не замѣчали, когда попирали ее ногами. Такъ устроенъ человекъ. Онъ вѣчно идетъ впередъ и временами останавливается, чтобы оглянуться назадъ. И каждый разъ, къ удивленію своему, онъ замѣчаетъ, что вѣдь стѣны той Бастили, которую онъ разрушилъ, были плѣнительно красивы. И тогда онъ начинаетъ подбирать уцѣлѣвшіе ихъ осколки.

Человѣчество идетъ впередъ напроломъ, опрокидывая, въ азартѣ похода, все, становящееся ему поперекъ пути. Сзади арміи, въ вѣкоторомъ отдаленіи, идутъ коллекционеры. Низко склонившись къ землѣ, они вглядываются въ груды обломковъ. Вотъ прекрасная ваза, разбитая вмѣстѣ съ застѣнкомъ, въ которомъ она стояла. Вотъ прекрасная книга, затоптанная въ илуду борьбы. Вотъ чудесная статуя. Она имѣла несчастье стоять въ Бастили. Вотъ дивная гравюра. Въ нее солдаты человѣчества завернули, за вѣнчаніемъ оборотной бумаги, колбасу. Вотъ плѣнительный нарядъ. Онъ былъ на развратной любовницѣ тирана, преданной заслуженной казни. Вотъ чудесный портретъ кровопицы. Солдаты человѣчества, въ праведномъ гнѣвѣ своемъ противъ оригинала, проткнули холстъ остриемъ своего копья. Коллекционеры идутъ медленно, во все вглядываясь, все цѣнное подбирая, и исправляютъ несправедливости и ошлбки войны.

Вещь говоритъ коллекционеру тонкимъ, чуть слышимымъ профанному уху голосомъ. Фарфоровая фигурка рассказываетъ ему о прекрасной женщинѣ, въ чьемъ будуарѣ она стояла. Старая книга въ кожаномъ переплетѣ говоритъ ему о тихой библиотекѣ въ усадьбѣ, о мечтателѣ, державшемъ ее въ рукахъ. Старая мебель открываетъ и рассказываетъ ему длинныя семенные исторіи. Коллекционеръ любитъ вещи, и за любовь вещи отплачиваютъ ему откровенностью. О, очарованіе старыхъ вещей, носящихъ на себѣ печать личнаго мастерства, заключающихъ въ себѣ частицу души дѣлавшаго ихъ мастера! Оно понятно коллекционерамъ. Ихъ руки любятъ ласкать старую матерію, произведеніе ручнаго ткацкаго станка, не осыпающуюся и столь приятную наощупь благородную тряпичную бумагу. Они любятъ держать въ рукахъ старый фарфоръ, прикосновеніе къ которому вызываетъ сладкую грусть; они любятъ разглаживать руками старья, показывая руки гравюры и вдыхать ихъ запахъ—запахъ пыли и прѣлости. Они любятъ ласкать свои глаза зрѣлищемъ старыхъ благородныхъ мебели,—произведеніями архитекторовъ и ювелировъ. Коллекционеры не любятъ настоящаго и пугливо взвращаютъ на будущее. Золотой вѣкъ, можетъ быть, впереди насъ. Но за нами столько вѣковъ благороднаго, изысканнаго вкуса, столько вѣковъ неугасимой и неслѣпной красоты!

Влад. Азовъ.

Въ натурномъ классѣ. (Къ 150-лѣтїю Академіи Художествъ.)

Знакомый редакторъ жаловался:

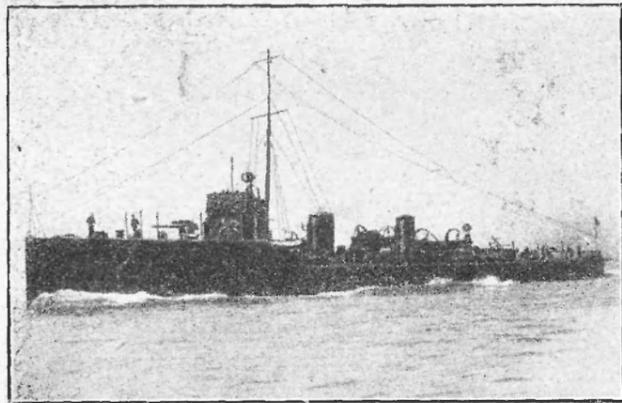
— Богъ ее знаетъ, что за литературная молодежь пошла нынче! Просматриваю недавно рассказъ начинающей писательницы и въ концѣ рукописи натякаюсь на сертификатъ, выданный произведенію Леонидомъ Андреевымъ. Подлиннаго текста не помню, но смыслъ приблизительно тотъ, что вотъ, дескать, сіе произведеніе очень прекрасное, нужное и всякая редакция должна почитать за честь его напечатать. Да развѣ въ наше время начинающій писатель заручался когда нибудь штемпелемъ старшаго собрата?

— Вы неправы,—возразилъ старый литераторъ,—нынѣшняя литературная, какъ и всякая, молодежь—такая же, какая была и въ наше старое время. Только вотъ съ „старшими братьями“ изъ молодыхъ дѣло плохо. Я не знаю вашей писательницы, но я увѣренъ, что она зашла къ г. Андрееву не за „штемпелемъ“, а изъ естественнаго побужденія провѣрить себя. Такъ дѣлали во всѣ времена, а вотъ штемпелей мы дѣйствительно не ставили и сертификатъ не выдавали. Замѣтишь искру Божью—ну, напишешь записку знакомому редактору, попросишь обратить вниманіе. Словомъ, поможешь начинающему, укажешь ему, куда вѣрнѣе направиться. Но вотъ этакого безыменнаго манифеста, обращеннаго вообще ко всѣмъ, „кому сіе вѣдать надлежитъ“... Да нѣтъ, что тутъ и говорить! Этого въ наше

время не позволялъ себѣ не только какой нибудь г. Андреевъ, а самъ Тургеневъ, Некрасовъ или Щедричъ!

Мнѣ невольно вспомнился этотъ разговоръ, когда я случайно натолкнулся на странное выступленіе г. Андреева въ газетѣ „День“ по поводу постановки „Фауста“ на сценѣ „Музыкальной драмы“.

Въ самомъ дѣлѣ вѣдь сразу бросается въ глаза, что это выступленіе ровно никому и ни на что не нужно. Сама редакція „Дня“ сочла нужнымъ присовокупить къ статьѣ г. Андреева оговорки, гдѣ въ явно конфузливомъ тонѣ напоминаетъ, что постоянный критикъ газеты, г. Коломидцевъ, своевременно (почти на двѣ недѣли раньше!) уже писалъ объ этой постановкѣ и отнесся къ ней почти такъ же отрицательно, какъ и г. Андреевъ. Но въ такомъ случаѣ кому же важно и интересно знать, что г. Андреевъ раздѣляетъ мнѣніе г. Коломидцева? Для своего (т. е. редакціоннаго и читательскаго) круга г. Коломидцевъ, какъ постоянный критикъ газеты,—лицо самое компетентное и правомочное. Нельзя поручить веденіе отдѣла такому неавторитетному лицу, мнѣ-

Английский истребитель, потопивший германскую подводную лодку.

ние которого еще нуждается в подтверждении лица постороннего. А если мнение г. Коломничева в этом подтверждении не нуждалось, то причём здесь г. Андреев?

И отнюдь не хочу этим сказать, что критик имеет право на монополизацию художественных приговоров в своем органе. Нет, наоборот,— шире дорогу всяким возражениям, всякому освещению вопроса со стороны оригинальной стороны. Но какой смысл давать дорогу пережевыванию старого? Ведь так мы скоро увидим, что г. Коломничев напишет примерно: „Г-жа Эиска детонировала“, а вслед за ним в редакцию посыплются заявления гг. Андреевых, Ивановых, Петровых, Сидоровых и пр., что „госпожа Эиска фальшивила“, „г-жа Эиска врал“, „г-жа Эиска пела невѣрно“ и т. д. Только дело то в том, что гг. Ивановы, Петровы и Сидоровы с этим в редакцию не сунутся, а г. Андреев—отчего же! Потому что г. Андреев считает своим божественным правом ставить штемпеля и выдавать сертификаты. И как на руко-

Ничего не подѣлаешь—должны же люди время от времени вспоминать, что живешь где-то на свете Петръ Ивановичъ Добчинскій!

Таким образом выступление г. Андреева прежде всего беззастенчиво вывело зависимость от внутренних качеств самой статьи. Но дело-то в том, что помимо этого сама статья поражает развязной необоснованностью, пустым фразерством и даже невѣжеством.

Во-первых, автор повидному протестует против пассивности над авторскими намѣреніями, во-вторых, онъ возмущается реализмом постановки и находит, что в новой постановкѣ, не в примѣръ старой, „Фаустъ“ потерял всю свою поэзию.

По поводу первого можно спросить: да разве авторскія намѣренія такъ уже безгранично правомочны? Вѣдь извѣстно же напримѣръ, что одна изъ симфоній Чайковского подъ управлением автора торжественно провадилась и лежала подъ спудомъ до тѣхъ поръ, пока ея не откопалъ Никитинъ. И когда Никитинъ далъ ей свои темпы, свои блики, симфонія выдвинулась въ ряды лучшихъ произведений Чайковского. Значитъ, дело не въ абсолютной правомочности авторскихъ намѣреній! И неужели г. Андреевъ думаетъ, что шаблонъ, установленный для „Фауста“, вполне отвѣчалъ намѣреніямъ Гуно?

По обоимъ всемъ этому авторъ статьи не считаетъ нужнымъ говорить. Онъ ограничивается тѣмъ, что безапелляционно ставитъ вопросы: а почему на Маргаритѣ такой коллажъ, а не этакіи? а почему Валентинъ некрасивъ? а почему Мефистофель поетъ сверху, а не сбоку? Помилуй Богъ отъ такой „эрудици“!

Что касается второго пункта, то я не стану бы противъ него возражать, если бы не двѣ причины. Прежде всего авторъ въ началѣ статьи говоритъ, что въ оперѣ, „гдѣ все условно“, нельзя дать реальную дѣйствительность. Но вѣдь, значитъ, дело идетъ не о „Фаустѣ“, а вообще о художественномъ курьѣ данного театра. Газета устами г. Коломничева уже высказала по этому поводу свое критическое „кredo“, и это—ея законнѣйшее право. Но кому какое дело, согласенъ ли, или нѣтъ, съ этимъ курьомъ г. Андреевъ? Г. Коломничевъ посѣщаетъ театры въ силу своихъ обязанностей, а г. Андреевъ пусть не ходитъ туда, гдѣ все не соотвѣтствуетъ его вкусу!

Затѣмъ г. Андреевъ возмущается, что апофеозъ напоминаетъ „набѣхальныя выпуклыя картинки“. Но вѣдь апофеозъ—одно изъ немногихъ мѣстъ постановки, гдѣ театръ не можетъ отойти отъ условнаго шаблона! Вотъ и угоди послѣ этого! Очевидно дело не въ теоретическихъ ошибкахъ данного театра, а въ томъ, что данный театръ не далъ одному изъ зрителей тѣхъ эмоцій, которыхъ этотъ зритель ждалъ. Но кому какое дело до эмоцій рядового зрителя, если даже этотъ зритель именуется Леонидъ Андреевъ? И если этому рядовому зрителю захотѣлось излить душу руганью, почему эту ругань надо обязательно печатать?

Въ своей статьѣ г. Андреевъ порой договаривается до такихъ откровений, за которыя дѣлается стыдно.

Вотъ напримѣръ онъ возмущается „кабацкимъ плясомъ“ и требуетъ вальса (вторая картина), потому что этотъ вальсъ, если и не былъ въ дѣйствительности, то „грязлея“ Маргаритѣ.

Но если г. Андреевъ знаетъ, что дѣйствие „Фауста“ приурочивается къ XVI-му вѣку, а вальсъ впервые появился въ 1830-мъ году, то какъ онъ можетъ увѣрить, что Маргаритѣ грязилось то, что появилось лишь черезъ триста лѣтъ послѣ нея?

Затѣмъ г. Андреевъ пишетъ: „Брокенъ сдѣланъ маленький и остро-щербатый, какъ гнилой зубъ“ (стиль-то, стиль-то какой изысканный!).

Но какъ опредѣлить, какимъ долженъ быть изображенъ Брокенъ?

Для этого есть два средства: можно обратиться къ географіи или къ Гёте. Въ географіи говорится, что нынѣ вершина Брокена усеяна крупными камнями, образовавшимися отъ развала прежней пирамидальной околечности горы. У Гёте Фаустъ отказывается сократить путь нерелетомъ по воздуху, такъ какъ, спустившись въ долину, можно и безъ того „возвратиться на этотъ утесъ, съ котораго, вѣчно бурля, низвергается потокъ“. Въ постановкѣ „Музыкальной драмы“ имѣется и пирамидальная вершина, и крупные камни, и потокъ, низвергающійся (задній фонъ) со скалы. Почему же эту картину нельзя ставить такъ, а надо какъ илбудъ иначе? Чтобы не вызывать въ г. Андреевѣ какихъ-то болѣзненныхъ эмоцій, связанныхъ съ воспоминаемъ о гниломъ зубѣ?

Стравная претензія—даже для „Леонидъ Андреева“!

Евг. Мауринъ.

Мечомъ и культурой.

Статья **И. Накатова.**

Гогенцоллерны практиковали весьма неглупую систему; немедленно по завоеваніи территоріи учреждать въ ней университетъ. Такъ напр., присоединивъ рейнскія провинціи, они безотлагательно открыли университетъ въ Боннѣ, захвативъ Эльзась-Лотарингію, они тотчасъ же основали университетъ въ Страсбургѣ. Побудительными мотивами служила отнюдь не платоническая любовь къ наукамъ. Роль и значеніе университета прекрасно обосновалъ нѣмецкій философъ Шлейермахеръ въ своемъ докладѣ Фридриху Вильгельму III незадолго до открытія берлинскаго университета послѣ Ленскаго разгрома, поколебавшаго авторитетъ Пруссіи. „Когда будетъ организовано это научное учрежденіе, то ему не будетъ равнаго; благодаря своей внутренней силѣ, оно распространитъ свое влияние за предѣлы прусской монархіи; Берлинъ сдѣлается центромъ всей умственной дѣятельности сѣверной и протестантской Германіи и будетъ приготовлена твердая почва для осуществленія миссиі, предназначенной прусскому государству“. А извѣстный Гумбольдъ въ свою очередь также писалъ: „Произведенныя въ государствѣ реформы уже обезпечили несчастной Пруссіи первое мѣсто между германскими державами, какъ умственной и моральной силѣ; среди этихъ реформъ учрежденіе университета будетъ одною изъ самыхъ важныхъ“.

Я намѣренно привелъ по данному вопросу мнѣніе *нѣмцевъ*, ибо мнѣніе это, какъ мы знаемъ, оправдалось въ полной мѣрѣ. Отсюда выводъ: не поступить ли намъ въ только что завоеванной Галиціи по нѣмецкому рецепту? Учрежденіе *русскаго* университета въ Львовѣ сыграло бы огромную роль въ культурной жизни края и въ отношеніяхъ его населенія къ Россіи. Въ стѣны этого университета постепенно пачнетъ стекаться молодежь со всѣхъ угловъ Галиціи, Буковины и Угорской Руси, сюда же будетъ тяготѣть огромный районъ нашей Волыни и Подолія. Если университетъ на первыхъ же порахъ будетъ поставленъ широко и ему будетъ обезпеченъ надлежащій комплектъ кафедръ, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ привлечетъ вниманіе и Прикарпатя и въ скорости въ немъ появятся студенты-румыны, болгары и сербы. Все это будетъ всемѣрно содѣйствовать приобщенію завоеваннаго края и русской культурѣ и постепенно спаяетъ населеніе его съ центромъ.

Министерство народнаго просвѣщенія какъ будто начинаетъ проникаться сознаніемъ важности открытія русскаго университета въ Львовѣ. Здѣсь пользуется вниманіемъ идея „обмѣна“ университетами варшавскимъ и львовскимъ, перенесеніемъ одного на мѣсто другого. Нельзя сказать, чтобы идея эта была лишена здоровыхъ корней. Дѣло въ томъ, что *славянскіе* галиційскіе университеты, во Львовѣ и Черновцахъ, являются университетами польскими. Свою „польскую миссію“ они уже сыграли. Мы ничего не имѣемъ противъ польскихъ университетовъ по существу, пусть они до

извѣстной степени выполняютъ задачу собиранія и кристаллизованія возрождаемой Польши. Но для этого мы отводимъ полякамъ Варшаву. Галиція же, эта свѣжая для насъ окраина, до поры до времени не можетъ быть оставлена безъ попеченія. Мы должны крѣпко-накрѣпко привязать къ себѣ населеніе этого края и, разумѣется, не только организаціей епархіи и приходовъ, но и приманчивыми продуктами нашей науки и литературы.

Беззамедлительное учрежденіе въ Львовѣ русскаго университета диктуется и неотложными соображеніями практическіи обиходнаго свойства. Для замѣщенія различныхъ общественныхъ и государственныхъ постовъ намъ понадобится огромная армія интеллигентныхъ людей. И ужъ конечно наше дѣло въ Галиціи значительно выиграетъ, если эта интеллигенція будетъ мѣстная, воспитавшаяся на мѣстѣ, въ русскомъ университетѣ, и впитавшая ростки русской культуры. Быть можетъ, также русскому университету во Львовѣ будетъ суждено стать центромъ прогрессивныхъ идей, который будетъ готовить для края просвѣщенныхъ и либеральныхъ дѣятелей. А такіе дѣятели несомнѣнно будутъ нужны уже въ ближайшее время, ибо нѣтъ сомнѣнія, что реакціонныя силы начнутъ выдвигаться во всѣхъ углахъ все болѣе замѣтно и имъ надо будетъ противопоставить здоровое общественное теченіе.

Профессоръ Дюбуа Реймонъ однажды зло сказалъ: „Берлинскій университетъ, которому отведено для постоя мѣсто (einquartiert) противъ королевскаго дворца, является умственной лейбъ-гвардіей дома Гогенцоллерновъ“. Мы далеки, конечно отъ мысли сдѣлать русскій университетъ въ Львовѣ орудіемъ русификаціи въ томъ духѣ, какъ это представляется нашимъ шовинистамъ, но если этотъ университетъ станетъ проводникомъ великихъ русскихъ идей и великой науки, онъ этимъ выполнитъ великую историческую миссію.

И. Накатовъ.

Ясновидѣніе и война.

Фотографія на стр. 16 изображаетъ г-жу Бэли, жену сражавшагося на Изерѣ англійскаго офицера.

О г-жѣ Бэли говорятъ сейчасъ всѣ англійскія газеты. На ея судьбу легъ отблескъ таинственнаго, на которое такъ падка всякая страна, а англійская въ особенности.

Около мѣсяца тому назадъ г-жа Бэли прочла въ официальныхъ спискахъ англійскаго военнаго министерства, что ея мужъ убитъ.

Въ тотъ же день къ опечаленной женщинѣ явилась какая-то извѣстная предсказательница — индусска или сіамка — и заявила, что мужъ г-жи Бэли живъ. Словамъ гадалки никто не придавалъ значенія. Но не прошло и недѣли, какъ они официально подтвердились. Бэли былъ зачисленъ въ убитые по ошибкѣ — на самомъ дѣлѣ онъ живъ и здоровъ и находится въ германскомъ плѣну. Англійскіе репортеры разыскиваютъ таинственную индусску, обнаружившую такой даръ ясновидѣнія.

СОДЕРЖАНІЕ: Алексѣй Ремизовъ. «Морока» (сказка). — Проф. В. Д. Плетневъ. «Глухіе и слѣпые». — В. М. Карачарова. «Встрѣча» (рассказъ). — Е. П. Семеновъ. «Золотая книга Бельгін». — Конст. Эрбергъ. «Одолѣнье» (стихотвореніе). — Кармень. «Ночной выстрѣлъ» (рассказъ). — Проф. М. А. Курчинскій. «Исключительное время». — В. Сергѣевъ. «Письма съ войны». — Марія Брусянина. «Королю Альберту» (стихотвореніе). — **Объ искусствахъ и литературѣ.** (Вѣсти и мнѣнія). — Влад. Азовъ. «По ту сторону войны». — Евг. Мауринъ. «Мы, Божьей милостью»... — **И. Накатовъ.** «Мечомъ и культурой». — **ИЛЛЮСТРАЦІИ:** «Царьградъ», Д. С. Митрохина. — «Обстрѣлъ Реймскаго собора», Г. Милашевскаго. — «Солдаты», П. А. Бруни. — «Морской бой», П. В. Митурича. — «Бой въ воздухѣ», П. В. Митурича. — «Гербъ», Д. С. Митрохина. — «Казакъ съ лошадыми», П. В. Митурича. — «Турки въ походѣ», Л. А. Бруни. — «Почтовые голуби», П. В. Митурича. — **ЗАСТАВКИ:** Д. С. Митрохина и П. В. Митурича.

ПОРТРЕТЫ: Бельгійской королевы и ея дѣтей, председателя совѣта министровъ И. Д. Горемыкина, Саидъ-Халиляшаши. — **11 фотографій.** (Очередная статья о театрѣ по техническимъ условіямъ не могла быть помѣщена въ настоящемъ номерѣ и отложена до слѣдующаго.)

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
на ПЕРВЫЙ русский ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ иллюстрированный ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ
„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“

выходящий въ свѣтъ съ октября 1914 г.

„Голосъ Жизни“—первый русский иллюстрированный еженедельникъ, поставивши себѣ цѣлю—соединить художественность и серьезность съ занимательностью и разнообразіемъ.

„Голосъ Жизни“—литературно-публицистическій журналъ. Въ области литературы онъ ищетъ прежде всего самобытности и свѣжести, въ публицистикѣ—углубленнаго толкованія текущихъ вопросовъ, нынѣ же—преимущественно вопросовъ, связанныхъ съ войной.

„Голосъ Жизни“ отстаиваетъ въ своихъ политическихъ статьяхъ прогрессивныя начала въ государственной ихъ постановкѣ. „Голосъ Жизни“ стоитъ за сильную, свободную и единую Россію.

„Голосъ Жизни“ охотно допускаетъ на своихъ столбцахъ принципиальные споры, поскольку они касаются философскихъ основъ политической мысли. Такъ въ № 4 журнала отъ 4-го ноября помѣщены статья Д. С. Мережковского о націонализмѣ и отвѣты на нее проф. А. В. Карташева и Л. Е. Галича. Намѣчены къ подобному же полемическому освѣщенію и другіе вопросы, внутренне связанные съ текущими событиями.

Каждый номеръ „Голоса Жизни“ содержитъ не менѣе двухъ большихъ рассказовъ и рядъ статей и замѣтокъ.

„Голосъ Жизни“ въ первыхъ же своихъ номерахъ напечаталъ беллетристическія произведенія

Александра Блока, В. В. Брусянина, Сергѣя Городецкого, Георгія Иванова, В. В. Муйжеля, А. М. Ремизова, Федора Сологуба и др.

и публицистическія статьи

Влад. Азова, проф. К. И. Арабажина, Антона Крайнего, Леонида Галича, проф. А. В. Карташева, проф. М. А. Курчинскаго, Д. С. Мережковского, И. Накатова, проф. В. Д. Плетнева, Е. П. Семенова и мн. др.

Въ „Голосѣ Жизни“ печатаются еженедельные обзоры войны Георгіевскаго (Г. П.), а также письма съ войны собственнаго корреспондента В. Сергѣева.

Въ „Голосѣ Жизни“ удѣлено много вниманія событіямъ и теченіямъ чисто-культурнаго характера: въ искусствѣ, литературѣ, наукѣ.

Въ „Голосѣ Жизни“ еженедѣльно печатается отдѣлъ „Объ искусствахъ и литературѣ“. Вѣсти и мнѣнія. Отдѣлъ составленъ изъ коротенькихъ сообщений, оцѣнокъ и откликовъ.

„Голосъ Жизни“ еженедѣльно печатаетъ статью Евг. Маурина о текущихъ театральныя событіяхъ.

„Голосъ Жизни“ богато иллюстрированъ. Въ первыхъ же номерахъ „Голоса Жизни“ были напечатаны рисунки М. В. Добужинскаго, Д. С. Митрохина, П. В. Митурича, заставки и наброски художниковъ: Бруни, Кунса, Милашевскаго, Эйсснера и др.

Въ „Голосѣ Жизни“ печатаются многочисленные фотозюды и фотографіи собственныхъ корреспондентовъ съ театра военныхъ дѣйствій.

Въ номерѣ не менѣе 25 иллюстрацій.

Съ конца ноября обложка „Голоса Жизни“ будетъ печататься по способу многоцвѣтнаго печатанія.

Въ видѣ примѣра, иллюстрирующаго характеръ „Голоса Жизни“, приводимъ содержаніе только что (4-го ноября) вышедшаго четвертаго номера журнала:

Г. П. „Недѣля войны“. — Федоръ Сологубъ. „День встрѣчи“ (рассказъ). — Антонъ Крайній. „Въ наши времена“. — Объ искусствахъ и литературѣ. „Вѣсти и мнѣнія“. — Георгій Ивановъ. „Столица на Невѣ“ (стихотвор.). — И. Накатовъ. „Богъ Гогенцоллерновъ“. — Леонидъ Галичъ. „Война и миръ“. Проф. К. И. Арабажинъ. „Русское общество и польскія вѣпросъ“. — Евг. Мауринъ. „Лермонтовъ — Народный домъ — Самойловъ“. — Д. С. Мережковский. „О религиозной лжи націонализма“. — Проф. А. В. Карташевъ. „О націонализмѣ“. — Леонидъ Галичъ. „Ядовитая праведность“. **ИЛЛЮСТРАЦІИ:** Обстрѣлъ аэроплана съ дирижабля (рис. П. Митурича). — Снимокъ съ плаката художника Чехонина. — Мельница въ Брюгге (рис. М. Добужинскаго). — Зуавъ (рис. Льва Бруни). — Изъ альбома художника: турчанка, абхазка, казакъ (рис. худ. А. П. Эйсснера). — Заставки раб. худ. Льва Бруни и П. Митурича. — 12 фотозюдовъ. **ОБЛОЖКА:** „Избѣненіе младенцевъ“, Матео-ди-Джованни.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „ГОЛОСА ЖИЗНИ“ за годъ съ пересылк. — 4 р. 50 к.
Съ № 5-го (9-го ноября) по 31-е декабря 1914 г. — 1 рубль.

(Первые четыре номера разошлись полностью.)

Для подписчиковъ на 1915 г. **ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА** подписной платы: при подпискѣ 2 р. 50 к., нѣ 1-му іюня 2 р.

ЦѢНА ОТДѢЛНАГО НОМЕРА „ГОЛОСА ЖИЗНИ“: у газетчиковъ — 10 к., на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ — 12 к.

Подписка адресуется въ

Акціонерное Общество ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. КАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ, Лиговская ул., 114.
Отдѣленія конторы: 1) ПЕТРОГРАДЪ, Садовая, 20 (противъ Гостиного), и 2) МОСКВА, Петровскія линіи, у Н. Н. Печковской.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“

== единственный русскій иллюстрированн. литературно-политическій
еженедѣльникъ ==

ВЫХОДИТЪ по ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

Контора и редакция: Петроградъ, Лиговская, д. 114. Отдѣленіе: Садовая, д. 20.

Въ номерѣ 6 мѣ „ГОЛОСА ЖИЗНИ“, который выйдетъ въ воскресенье 16-го ноября,
будутъ напечатаны:

Разказы—Бориса Верхоустинскаго, Сергѣя Городецкаго и друг.
Статьи: Зинаиды Гишпюсъ (объ искаженной культурѣ), Леонида Галича (о публицистикѣ Леонида Андреева), В. Ирецкаго („Достоевскій и война“), проф. В. Д. Плетнева (о Польшѣ), Е. П. Семенова (о Болгаріи), Евг. Мауринна („Кустарнаго дѣла драматургів“) и друг.—Объ искусствахъ и литературѣ (вѣсти и мнѣнія).